

языке. — Иностр. яз. в школе, 1976, № 3. с. 13—19. 5. *Шигаревская Н. А.* Наблюдения над употреблением усеченной формы указательного местоимения *ça* в современном французском языке. Учен. зап. Ленингр. ун-та, 1957, вып. 29, с. 69—77. 6. *Шигаревская Н. А.* Очерки по синтаксису современной французской разговорной речи. Изд-во Ленингр. ун-та, 1970. 216 с. 7. *Blinkenberg A.* L'ordre des mots en français moderne, t. 1, Copenhagen, 1928. 247 p. 8. *Cohen M.* Nouveaux regards sur la langue française. Paris, 1963. 315 p. 9. *Cressot M.* Le style et ses techniques. Paris, 1971. 204 p. 10. *Damourette J.* et Pichon E. Essai de grammaire française. Des mots à la pensée, v. 5, Paris, 1911—1940. 710 p. 11. *Dubois J.* Grammaire structurale du français: nom et pronom. Paris, 1965. 189 p. 12. *Frei H.* La grammaire des fautes. Paris, 1929. 317 p. 13. *Henry A.* Considération sur la fortune de *ça* en français. Etudes de Syntaxe Expressionnelle. Paris, 1960. 96 p. 14. *Le Bidois G. et R.* Syntaxe du français moderne. Paris, 1935. 546 p. 15. *Porquier R.* L'emploi de *ça* en français parlé. Le français dans le monde, 1972, N 91, p. 9—16. 16. *Sandfeld K.* Syntaxe du français contemporain, v. 2, Paris, 1928—1943. 390 p. 17. *Sauvageot A.* Les procédés expressifs du français contemporain. Paris, 1957. 240 p. 18. *Aragon L.* Les communistes. Editeurs Français Réunis, 1967. 19. *Aragon L.* Aurélien Gallimard, 1944. 20. *Sartre J.-P.* Les mains sales. Gallimard, 1948.

В. И. ОДИНОВА

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ВАРИИРОВАНИЕ СЛОВА В ЕГО СВЯЗИ С МЕТОНИМИЧЕСКИМИ ПЕРЕНОСАМИ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)

При исследовании имени существительного в синхронном плане нельзя упускать из виду особенностей семантических изменений, которые наблюдаются в случаях так называемого метонимического переноса. До последнего времени данный процесс рассматривался исключительно в плане диахронии, однако анализ конкретного материала убедительно доказывает, что процесс метонимического переосмысления играет очень важную роль в синхронной организации лексической системы.

Анализ причин возникновения метонимических переосмыслений показал, что их появление вызвано своеобразным «принципом экономии» в языке, который представляет собой эллиптическое сжатие определенной модели высказывания, являющегося косвенным выразительным средством, «которое проявляется в опущении одного или нескольких языковых элементов, некогда необходимых для определения смысла целого, но на современном этапе развития языка уже не возникающих в сознании говорящего» [1, с. 177]. Например:

Les porte-plumes distribués, il se coiffa d'un petit feutre rond et disparu... [30, p. 31];

...Et l'instant d'après l'inspecteur relevait le col de sa gabardine et s'élança dans la rue [27, p. 125];

— C'est pourtant vrai, dit Gabriel pendant qu'on passe devant le tabac, celui-là j'y suis jamais allé [31, p. 17].

Анализируя выделенные слова *feutre, gabardine, tabac*, мысленно можно дополнить словосочетания, из которых они образовались: *chapeau de feutre, manteau de gabardine, bureau de tabac*, исходной синтагматической структурой выделенных слов является модель $N_1 + de + N_2$.

В результате частого употребления того или иного словосочетания со временем отпала необходимость называть первый элемент модели — N_1 , так как второго элемента — N_2 (у нас: *feutre gabardine, tabac*) оказалось достаточно для идентификации предмета, название которого передается соответствующими лексическими единицами элемента N_2 . Иными словами, произошла синтаксическая и семантическая конденсация, в результате которой N_2 обогатил свою семантику новыми элементами значения. В то же время в его семантике произошел сдвиг от более абстрактного к более конкретному значению: элемент N_2 как самостоятельная лексическая единица обозначает конкретные предметы и функционирует в языковой системе как терминологическая единица, что на современном этапе развития языка является важным источником семантического, качественного обогащения лексики.

Рассматриваемые единицы не являются индивидуальным речевым образованием, они прочно вошли в языковой узус, что свидетельствует о глубинных сдвигах в системе парадигматики. Когда в результате эллиптического сокращения синтагмы в языке появляется новая семантическая единица (чаще всего с терминологической значимостью), мы вправе говорить о наличии отдельных лексико-семантических вариантов (ЛСВ) у различных номинативных единиц, именуемых в традиционной лингвистике метонимическими образованиями.

Но семантическое движение при подобного рода метонимических процессах может идти дальше, элемент N_2 синтагмы может быть подвергнут дальнейшему переосмыслению, вызванному всевозможными экстралингвистическими фактами, в результате чего элемент N_2 семантически значительно удаляется от значения в исходной синтагматической модели, породившей его. Например:

Charles descendit les cinq marches menant du trottoir au café-restaurant de la cave, poussa la porte et s'avança jusqu'au zinc en bois depuis l'occupation [31, p. 20]. В примере четко проявляется динамика дальнейшего семантического движения, которое претерпевает слово *zinc*. Это еще раз подтверждает, что у него появился ЛСВ с обособившимся значением.

Ср.: *Il entra dans un bar; prend un croissant et un café au lait sur le zinc* [23, p. 59].

Первоначально словесный знак *zinc* был приложим к определенному виду предметов (в данном случае — стойка у бара), который действительно покрывался цинком, затем предмет (стойка у бара) стал изготавливаться из других матери-

алов, но название сохранилось прежнее, и данный ЛСВ имел бы все основания превратиться в отдельную лексическую единицу — омоним, если бы между исходным и новым лексическим элементом не сохранилась функционально-семантическая связь, так как словесный знак *zinc* по-прежнему приложен к предмету, выполняющему прежнее назначение и функции. Рассматриваемые единицы, возникшие в результате метонимического переосмысления бытующих в языке слов, являются узуальными ЛСВ последних, закрепленными языковой практикой, о чем свидетельствуют данные словарей. Это и есть квалифицируемые нами *производные ЛСВ с переносным значением*.

Имеется также множество номинативных единиц, подвергающихся метонимическому переосмыслению при их функциональном использовании, в результате которого происходят семантические сдвиги в системе значений соответствующего слова по имеющейся в языке метонимической модели. Это касается, прежде всего, случаев, когда:

1. Название местностей, помещений, учреждений, коллективных собраний могут быть использованы для названия находящихся там людей:

Et c'est déjà la nuit qui tombe et la brume froide de la mer du Nord, où la ville va s'endormir [25, p. 227]; ...Moi, simple mortel, je ferai comme toute la France, je crèverai de faim... [29, p. 109]; Toute la campagne le connaissait, et même des montagnes du Nord, de toute la la Lombardie, de Gènes... [17, p. 28].

2. Название одежды или ее деталей становится названием ее владельца:

Le pardessus timoré se lève aussi pour lui serrer la main [25, p. 33]; Ce manège était observé par le pantalon rouge, assis non loin de moi [18, p. 168]; — Bien sûr, continue le manteau noir pas très bien convaincu [25, p. 31].

3. Название какого-либо предмета переносится на его обладателя:

Un tambour-major peint en vert marchait le premier, agitant une canapetière dont il visait le soleil sans espoir [32, p. 56]; Le commandant du régiment prit la tête de la colonne accompagné de deux trompettes [15, p. 106].

4. Название части тела или его особенности служат для обозначения самого человека:

Le dos noir avance sensiblement à la même vitesse que Wallas et lui montre la route [25, p. 59]; A quoi pense cette grosse main gonflée qui joue avec le verre? [7, p. 168]; Il fut l'homme vers lequel dès son entrée dans un salon, manœuvraient quelques ravissants visages [21, p. 34].

5. Слова, в обычной дистрибуции имеющие нейтральное значение, в результате метонимического употребления в новом для них контексте становятся стилистически окрашенными:

J'en ai pris un doigt, du whisky [7, p. 512]; — Un verre? — Volontiers. Je veux dire: non, juste une larme [16, p. 217].

Выделенные слова *doigt*, *larme* обретают значение меры, не большого количества какой-либо жидкости, т. е. подчиняются общей закономерности, согласно которой существительные с предметным значением в определенных контекстах используются в значении количественном.

Мы полностью разделяем точку зрения Д. Н. Шмелева отмечавшего, что «не приобретением словами новых специфиче-

ческих значений, а подчинением их общей метонимической модели нужно объяснять... употребление существительных, обозначающих сосуды, разные виды посуды и меры на их содержимое» [6, с. 221]. Например:

Au balcon, Majordome en apporte un verre. Armand le vide [16, p. 64].
Il y trouva un morceau du pain, une boîte de sardines qu'il ouvrit, du vin blanc dans un litre entamé... [20, p. 82];

Henri fit signe au garçon qui somnolait debout contre la caisse: «Je voudrais un autre demi; pas vous?» [10, p. 374];

— Et comme boisson?

— Du rouge.

— Un quart? Une demie?

— Une demie. Il l'a vidée [31, p. 74].

В приведенных примерах семантическая вариативность, наблюдаемая в слове или группе слов, является функционально обусловленной, новые семантические образования не могут рассматриваться как отдельные ЛСВ слов, бытующих в языковом узусе. При подобных метонимических употреблениях не происходит изменений в семантической структуре соответствующих словесных единиц. «Метонимическое возникновение нового значения, — отмечает З. И. Хованская, — связано с возникновением языковой дистрибуции словарной единицы, однако это нарушение является нормальным явлением с точки зрения функционирования языка, так как именно таким способом осуществляется его развитие» [4, с. 229].

Появление новых семантико-функциональных единиц наблюдается потому, что в языке существуют определенные образцы подобного метонимического применения соответствующих слов. Таким образом, вопрос не в изменении значения конкретного слова, а в реализации некоторой обобщенной семантической формулы (модели). Семантические изменения, происходящие при этом, стилистически и контекстологически обусловлены и усиливают экспрессивность и эмоциональность высказывания. То есть, функционально обусловленная метонимическая единица характеризуется «ее обязательным обогащением конкретно-образным элементом, эксплицитно выраженным в изменении дистрибуции» [4, с. 303].

Подобные образования представляют собою одно из универсальных стилистических средств, широко используемых писателями для придания большей образности и экспрессии речи своих произведений.

Необходимо подчеркнуть, что кроме имен нарицательных (ИН) исключительно богатый материал для всевозможных метонимических переосмыслений слов дают имена собственные (ИС). Характер семантических изменений при этом имеет свои особенности, которые в лингвистике истолковываются по-разному в зависимости от подхода к семантике ИС. Наметились две противоположные точки зрения. Согласно одной из них,

ИС не имеют лексического значения, не выражают никаких понятий и способны выполнять лишь единичную номинативную функцию. Показательной в этом отношении является точка зрения А. А. Уфимцевой. Она относит ИС к категории «лексически неполноценных» словесных знаков, основная функция которых, по мнению автора, чисто номинативная. Они способны различать лицо, предметы, места, не прибегая к их качественным характеристикам. Как утверждает А. А. Уфимцева, основным «дефектом» словесных знаков этого типа является, якобы, неспособность выражать обобщенное понятие. Автор ссылается на аналогичные взгляды по этому вопросу ряда советских и зарубежных лингвистов, которые считают роль ИС чисто назывательной. Поэтому часто ИС котируются как «опознавательные знаки», их основным отличительным свойством при этом выступает так называемый денотативный характер значений. «Смысловой потенциал имен собственных очень мал, — отмечает А. А. Уфимцева. — ...Не имея смысловой структуры, эти словесные знаки ограничиваются сферой номинативно-номенклатурной деятельности языка» [5, с. 74].

Другие исследователи утверждают, что ИС помимо номинативной способны выполнять сигнификативную функцию и, подобно ИН, имеют определенное семантическое содержание.

Во французском языке синхронное исследование ИС проводили В. Брендаль, Ж. Дамурет и Э. Пишон, Ж. Дюбуа, но специальных исследований на материале французского языка очень мало.

Встреченное впервые ИС несет незначительную или слишком общую информацию об индивиде или предмете, которая оказывается предельно малой для того, чтобы у реципиента сложилось какое-либо представление об обозначаемом. Для этого требуется дополнительная информация, уточнение, актуализация ИС в контексте, где это ИС бытует, где оно известно.

ИС *Salon* определяется в словаре К. А. Ганшиной как *выставка*, однако для уточнения значения этого слова требуется дополнительная информация, контекст. Например: *Salon de peinture* — *художественная выставка*; *Salon d'automobile* — *автомобильная выставка*; *Salon de beauté* — *институт красоты* и т. д. В данном случае для идентификации значения слова *Salon* достаточным оказывается микроконтекст — устойчивое двучленное словосочетание. В результате частотности употребления того или иного словосочетания отпадает необходимость приводить его полностью, поэтому ИС употребляется уже как самостоятельная единица словаря, идентификация, уточнение значения которой происходит в контексте.

В нашем примере *Au Salon de 1900, je vis pour la première fois une toile de Beltara* [21, p. 29] уточнить значение слова *Salon*, дополнить словосочетание, из которого оно произошло, помогает ключевое слово

toile — картина, от которого исходит семантическое указание: ведь картина выставляется именно в художественном салоне. Мысленно восстановим исходное словосочетание: *Au Salon de peinture de 1900, je vis pour la première fois une toile de Beltara*. Смысл фразы не нарушился, следовательно, идентификация значения слова *Salon* нами произведена правильно.

Что же касается общеизвестных ИС (имена исторических лиц, деятелей искусства, названия эпох и течений), то они перемещаются на периферию своего подкласса, приближаясь к ИН. Интересными в этом отношении представляются примеры так называемой функциональной адъективации ИС, где их позиция по отношению к определяемому существительному указывает, что ИС, подобно ИН (*poisson-cauchemar, poisson-pilote, occupation-alibis, façade-nord, embouteillage-monstre*) выполняют характеризующую функцию, называя целый ряд предметов, обладающих общими чертами и качеством. Например:

A l'entrée, il y avais de nombreuses cartes de visite sur un plateau Louis XVI [8, p. 69];

Il n'y en avais qu'un meuble Empire, sur une estrade haute d'un mètre [28, p. 37];

Mais ce qui l'étonnait le plus, c'était le costume sévère, la chemise Oxford et la cravate [19, p. 92];

Votre service de publicité qui matraque les bonnes marques de lessive genre Brandin et Mesclan et oublie sciemment les autres [19, p. 39].

При функциональной адъективации, когда подобно прилагательным, ИС совершают движение от более конкретного к более абстрактному, их семантическая целостность не нарушается, а грамматическая и семантическая вариативность является синтаксически обусловленной. В этом случае ИС больше не характеризуется свойственной им ограниченностью сферы бытования.

Семантика ИС становится также более объемной, абстрактной при метонимических переносах, так называемых *метонимических сокращениях*. В этом случае ИС не называют какие-либо единичные предметы, явления, конкретные лица: они уже соотносены с обобщенной репрезентацией целой группы предметов, т. е. служат в качестве обобщенного наименования целого класса предметов:

Sur la cheminée il y avait un Spinoza, un Montaigne, et quelques livres de science [20, p. 12];

Elle me demanda de lui prêter Gide, Barrès, Claudel, dont je lui parlais tant [20, p. 11];

Je l'ai trouvé debout en blouse avec un Aristote en grec sur son pupitre [24, p. 149];

Il parle de deux Goya qu'il serait dommage de ne pas voir [13, p. 36];

Il doit y avoir quelques Simenon en bas.

— Simenon n'est pas du policier, c'est de la psychologie, — profère-t-il avec dédain [26, p. 47].

Семантика ИС остается неизменной в случаях, где они употребляются в метонимической модели, называя совокупность людей по месту их жительства:

C'est drôle, dit-il; l'Europe accuse les Américains d'être matérialistes [9, p. 420];

Dans le camp opposé, la Russie donnait des signes de fatigue [11, p. 359];

Si nous gagnons la guerre... la France dominera l'Europe. L'Allemagne et la Russie paieront [11, p. 379];

La France doit vivre [11, p. 185].

В данных примерах не нарушилось семантическое единство ИС, т. е. их семантическая структура не претерпела никаких изменений.

Подчиняясь общим законам, характерным для ИН, ИС способны эллиптироваться. «Эллиптизации подвергаются чаще такие слова, которые в силу определенных условий становятся особенно популярными, общеизвестными» [2, с. 83]:

Je l'ai trainé au concert: il s'est endormi pendant Beethoven et j'ai passé la Neuvième à appréhender qu'il ne ronfle [26, p. 80];

Un avril tout bleu régnait sur la Côte [30, p. 499];

Déjà nous pouvions prévoir la rosette de notre ami, sa cravate déjà dans certaines maisons amies, on parlait de l'Institut [21, p. 44];

Il y avait deux académiciens, plus un Goncourt, des actrices, des gens du monde [21, p. 42];

Je n'ai encore pris part qu'à deux réunions du Conseil et déjà il est probable que je vais donner ma démission... Je me suis querellé, très violemment, avec les Finances et les Travaux Publics [21, p. 174].

Выделенные в примерах эллипсисы соответствуют следующим словосочетаниям: Neuvième symphonie; Côte d'Azur; Institut de France; une personne ayant un prix Goncourt; Conseil des Ministres; Ministère des Finances et des Travaux Publics. Необходимо также отметить, что если при эллипсисе у ИН происходят определенные семантические изменения, то в случаях эллиптирования ИС подобных изменений не наблюдается. При метонимических сокращениях, непосредственно связанных с процессом эллиптирования, усиливается стилистическая экспрессивность ИС, хотя их семантическая значимость остается неизменной:

Il y avait de la colère dans la voix de Dubreuilh: «Du Figaro à l'Humanité, vous êtes tous des mystificateurs; vous dites oui à De Gaulle, oui à Yalta, à tout... [10, p. 183].

Выделенные ИС соответствуют: politique de De Gaulle; résolutions de la conférence de Yalta. Здесь, таким образом, спрабатывает принцип речевой экономии, «который при соединении с особыми экспрессивными качествами разговорной речи стимулирует формирование способов эллиптического словопотребления, находящегося в прямой зависимости от контекста и конситуации» [3, с. 127]. Таким образом, в результате анализа примеров так называемого метонимического переос-

мысления слов, нами выделены два основных случая вариативности их семантики. В примерах со словами *feutre*, *gabag-dine*, *tabac* речь идет о лексико-семантических вариантах слов, которые в результате метонимического переосмысления укоренились в языковой практике, стали единицами языка и являются для соответствующих словесных единиц *производными ЛСВ слов с переносным значением*, способствующими качественному обогащению лексики французского языка.

В то же время наибольшее количество метонимических переосмыслений значений слов не ведет к каким-либо сдвигам в системе значений их семантической структуры. Подобные переосмысления носят исключительно функциональный характер, они создаются по имеющимся в языке метонимическим моделям, используемым писателями в качестве эмоционально-экспрессивных образных средств. Необходимо подчеркнуть, что исключительно богатый материал для разного рода метонимических употреблений наряду с ИН дают ИС. Являясь именами существительными особого рода, ИС, претерпевая метонимические переосмысления, не содействуют качественному обогащению лексики французского языка, а их всевозможные семантические изменения в случаях метонимических переносов и адъективации, являются функционально обусловленными и не ведут к каким-либо сдвигам в системе значений соответствующих словесных единиц. Семантика ИС остается постоянной при эллиптических употреблениях, обусловленных принципом «языковой экономии». Следует подчеркнуть, что, хотя при этом не происходит семантических сдвигов в системе значений ИС, так как они являются чисто назывными именами и лишены семантической структуры, их употребление придает речи литературных произведений образность и экспрессивность.

Список литературы: 1. *Балли Ш.* Французская стилистика. М., Изд-во иностр. лит., 1961. 394 с. 2. *Ефимов А. И.* Стилистика русского языка. М., Просвещение, 1969. 262 с. 3. *Жданов О. К.* Метонимическое словообразование на основе имен собственных. Изд-во Казанск. ун-та, 1963, 22 с. 4. *Хованская З. И.* Принципы анализа художественной речи и литературного произведения. Изд-во Саратовск. ун-та, 1975. 429 с. 5. *Уфимцева А. А.* Типы словесных знаков. М., Наука, 1974, 206 с. 6. *Шмелев Д. Н.* Проблемы семантического анализа лексики. М., Наука, 1973. 279 с. 7. *Aragon, Louis.* *Blanche ou l'oubli.* Gallimard, 1967. 8. *Beauvoir, Simone de.* *La force des choses.* t. 1, Gallimard, 1963. 9. *Beauvoir, Simone de.* *Les mandarins.* Gallimard, v. 1, 1954. 10. *Beauvoir, Simone de.* *Les mandarins.* Gallimard, v. 2, 1954. 11. *Chauvire, Jacques.* *La terre et la guerre.* Gallimard, 1964. 12. *Curtis, Jean-Louis.* *Les forêts de la nuit.* Paris, 1947. 13. *Duras, Marguerite.* *Deux heures et demie du soir en été.* Gallimard, 1960. 14. *Gide, André.* *Les faux-monnayeurs.* Gallimard, 1925. 15. *Green, Julien.* *Chaque homme dans sa nuit.* Plon, 1960. 16. *Jarlot, Jérard.* *Un chat qui aboie.* Gallimard, 1963. 17. *Jouve, Pierre Jean.* *Paulina* 1880. *Mercure de France.* 1959. 18. *Laurent, Jacques.* *Les bêtises.* Ed. Bernard Grasset, 1971. 19. *Loriot, Noëlle.* *Un père singulier.* Ed. Robert Laffont, 1977. 20. *Mac Orlan, Pierre.* *Le quai des brumes.* Gallimard, 1927. 21. *Maurois, André.* *Une carrière et autres nouvelles.* Ed. du Progrès,

Moscou, 1965. 22. *Maurois, André*. Climats. Grasset, 1928. 23. *Modiano, Patrik*. Livret de famille. Gallimard, 1977. 24. Parain, Brice. De fil en aiguille. Gallimard, 1960. 25. *Robbe-Grillet, Alain*. Les gommés. Ed. de minuit, 1953. 26. *Rocheffort, Christiane*. Le repos du guerrier. Grasset, 1958. 27. *Simenon, G.* Les fiançailles de M. Hire. Paris, 1970. 28. *Triolet, Elsa*. Ecoutez-voir. Gallimard, 1968. 29. *Triolet, Elsa*. Le premier accroc coûte deux cent francs, *Denoël*. 1945. 30. *Triolet, Elsa*. Le cheval blanc. *Denoël*, 1943. 31. *Queneau, Raymond*. Zazie dans le métro. Gallimard, 1959. 32. *Vian, Boris*. L'herbe rouge. Jean-Jacques Pauvert éditeur, 1962.

Э. Г. ПАПОВЯНЦ

ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫЕ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ЯЗЫКЕ АНГЛИЙСКОЙ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ XIX—XX вв.

Задачей данного исследования является рассмотрение структурных моделей полипредикативных или многочастных сложноподчиненных предложений в языке английской газетной публицистики XIX—XX вв., установление закономерностей их организации и сочетания составляющих компонентов, а также выявление количественного распределения указанных предложений. В основе каждого предложения лежит синтаксическая модель. Как справедливо отмечает Г. В. Валимова, «количество предложений в речи необозримо велико и не поддается учету, но количество моделей, по которым строятся предложения того или иного языка, является строго определенным для каждого синхронного среза» [1, с. 9].

В исследовании используется метод описания сложноподчиненного предложения посредством структурных моделей, выделенных по наличию определенных признаков как постоянных их элементов. Ведущим признаком модели полипредикативного предложения является схема связи его компонентов.

Детальное изучение структуры многочастных предложений с различными типами синтаксической зависимости компонентов, в основном на материале ранненовоанглийского языка, проведено в работах Л. Л. Иофик [2, 3]. При анализе материала мы используем структурные модели многочастных сложноподчиненных предложений, описанных Л. Л. Иофик, а именно: модель I — последовательное подчинение, модель II — соподчинение зависимых предикативных единиц (ПЕ), возникающее в трехчастных предложениях, а также модели, основанные на принципе скрещения моделей I и II, появляющиеся в полипредикативных предложениях, начиная с четырехчастных.

При последовательном подчинении (модель I) к первой ПЕ, которая является подчиняющей и находится на высшем синтаксическом уровне, присоединяется цепь ПЕ, из которых каждая, кроме последней, имеет двойственный синтаксический характер: с одной стороны она подчиняется предыдущей, а с другой — сама является подчиняющей по отношению к следу-

ющей за ней ПЕ. Каждая последующая ПЕ стоит на более низком уровне подчинения, чем предыдущая.

Модель I — наиболее продуктивный способ построения полипредикативных сложноподчиненных предложений. Из 5700 примеров в обследованном материале встретилось 1220 (т. е. 41,5%) предложений данной модели в прессе XIX в. и 1210 (т. е. 43,6%) в газетах XX в. Основная масса примеров представлена трехчастными, т. е. минимальными структурами, состоящими из зависимых ПЕ. Они составляют 70,5% случаев употребления в текстах XIX в. и 85,9% в материале XX в. По мере углубления синтаксической перспективы количество примеров резко сокращается, особенно в материалах XX в. (так, число сложноподчиненных предложений с последовательным подчинением, состоящих из четырех и пяти ПЕ, в текстах XX в. сокращается в два раза). Сфера употребления этих структур сужается, они уступают место трехчастным структурам менее сложной организации.

Полипредикативное предложение с последовательным подчинением характеризуется многообразием структурных типов, что обусловлено морфологической природой центров подчинения (ЦП), т. е. членов подчиняющей ПЕ, с которыми непосредственно связаны подчиненные ПЕ. Грамматическая природа и валентные свойства ЦП предопределяют выбор синтаксически зависимой ПЕ. Модель I может быть представлена тремя структурными типами, что определяется морфологической природой ЦП: 1) предложения с именными ЦП, которые сочетаются с определительными ПЕ; 2) предложения с глагольными ЦП, которые могут сочетаться только с дополнительными или обстоятельственными ПЕ, как с теми и другими одновременно; 3) предложения с именными и глагольными ЦП, в которых встречаются различные сочетания определительных, дополнительных и обстоятельственных ПЕ.

Самым распространенным среди структурных типов модели I является третий тип, что объясняется наличием именных и глагольных ЦП, и, соответственно, возможностью сочетания в одном предложении разнофункциональных зависимых ПЕ. (В материале XIX в. он составляет 60,6%, XX в. — 40,4%). Однако в текстах XX в. можно констатировать уменьшение случаев употребления предложений третьего типа и увеличение количества предложений первого и второго типов.

Исследование предложений модели I позволило выявить сочетаемость различных типов ПЕ и преобладание определенных группировок. Самым оптимальным для образования цепи последовательного подчинения является сочетание ПЕ двух функциональных типов: дополнительных и обстоятельственных, определительных и обстоятельственных, что подтверждается данными количественного анализа. Перейдем к анализу модели II многочастного сложноподчиненного предложения.

Сущность соподчинения ПЕ заключается в том, что подчинение осуществляется не по принципу увеличения его уровней, как мы наблюдали в модели I. Зависимые ПЕ находятся на одном и том же уровне подчинения и относятся к одному или нескольким ЦП синтаксически господствующей ПЕ. Модель II в обследованном материале занимает по частотности второе место после структур с последовательным подчинением, составляя 24,9% в газетных текстах XIX в. и 32,8% — в текстах XX в. Разные структурные типы предложений с последовательным подчинением, в которых всегда сохраняется линейная схема модели, соответствующая принципу цепной или ступенчатой зависимости ПЕ, отличаются от разновидностей предложений с соподчинением не только грамматической природой ЦП, типом и количеством зависимых ПЕ и их сочетаниями, но и количеством ЦП в синтаксически господствующей ПЕ. Это создает различные схемы разветвления и является определяющим для выделения вариантов данной модели.

Модель II представлена тремя структурными вариантами: II А — разночленное соподчинение, II Б — одночленное неоднородное соподчинение, II В — одночленное однородное соподчинение.

При разночленном соподчинении (вариант II А) мы наблюдаем подчинение двух или нескольких зависимых ПЕ двум или нескольким ЦП в ведущей ПЕ. Это самый распространенный вариант, составляющий 60,3% всех структур с соподчинением в материале XIX в. и 64,4% в материале XX в. ЦП могут быть только именными, только глагольными или теми и другими одновременно. Самым продуктивным при организации полипредикативных предложений с вариантом разночленного соподчинения в текстах XIX в. является тип предложения, в ведущей ПЕ которого имеются только именны ЦП, в текстах XX в. — только глагольные. Расширение разночленного соподчинения происходит за счет увеличения ЦП в ведущей ПЕ. Во многих случаях расширение имеет место при наличии однородных ЦП, как, например, в следующем предложении:

More than a word of admiration is due, not only to the staffwork which has directed the miracle, but to the untiring civilian volunteers who have victualled, and the railways which have transported the troops — especially the southern railway, which has conjured up at short notice an endless succession of trains... (The Times, 1940, Jun. 3, p. 7).

Благодаря параллелизму структуры, построение такого полипредикативного предложения гораздо более обозримо, чем построение предложения с разнотипными ЦП и, соответственно, разнофункциональными соподчиненными ПЕ.

Следующим по частоте употребления модели II является вариант II В (34% в материале и XIX в., и XX в.). Однородное соподчинение характеризуется зависимостью двух или бо-

лее синтаксически однородных ПЕ от одного и того же ЦП в господствующей ПЕ. В предложениях этого типа в отличие от предложений с последовательным подчинением или другими вариантами соподчинения участвуют два способа связи: подчинение и сочинение, причем синтаксически определяющей является подчинительная связь, ибо каждая зависимая ПЕ в первую очередь подчинена ЦП в господствующей ПЕ, а сочинительная связь выражает вторичные синтаксические отношения соподчиненных ПЕ.

Последним по частотности среди полипредикативных предложений, построенных по принципу соподчинения, является вариант II Б, который отличается от варианта однородного соподчинения зависимостью от ЦП различных по значению и функции ПЕ. Предложения такого типа составляют всего 5,4% в газетных текстах XIX в. и 1% в текстах XX в. Наиболее типичное расположение ПЕ при неоднородном соподчинении — обрамление ведущей ПЕ зависимыми ЦП, в основном, глагольными:

When the Reform Bill was introduced, a great proportion of the people believed that it was for the country's sake. (The Times, 1838, Jan. 13, p. 4).

Во всех вариантах модели II преобладают трехчастные структуры. Этот вывод справедлив для полипредикативных предложений такого типа, обнаруженных в газетах и XIX в., и XX в. Однако в материале XX в. количество предложений, состоящих из четырех и более ПЕ, сокращается в два раза.

Увеличение ПЕ может привести не только к количественному усложнению структуры многочастного предложения: при этом может образоваться и качественно новая модель, построенная по принципу скращения основных моделей I и II. Однократное скращение двух моделей называется простым, неоднократное — сложным.

Для возникновения каждого из типов скращения необходим определенный структурный минимум предложения. Если модели соподчинения и последовательного подчинения требуют наличия не менее трех ПЕ в предложении, то простое скращение возникает только на уровне четырехчастного предложения, двойное — пятичастного, тройное — шестичастного и т. д.

В обследованных текстах XIX в. встретилось 990 примеров скращенных моделей, т. е. 33,6% всех многочастных предложений, из них 670 примеров простого скращения и 320 — сложного (22,7 и 10,9% соответственно). В газетах XX в. было обнаружено 650 примеров скращенных моделей (23,6%), из них 570 простого (20,7%) и лишь 80 (2,9%) сложного скращения. Таким образом, удельный вес структур простого скращения остается приблизительно одинаковым в материале и XIX, и XX в. Однако количество предложений, построенных по типу

сложного скращения, уменьшается почти в четыре раза. Наиболее широко представлены модели с различными типами двойного скращения, т. е. имеющие в своем составе сочетание трех моделей (например, I+II+I):

An escape clause for «productivity» has if anything increased inequities, because if it is the only escape clause for too long it penalizes comparatively people who are personally already as productive as they are allowed to be (The Times, 1978, Jul. 5, p. 17).

В этом примере исходной является модель I, разветвление появляется на втором уровне подчинения, и одна из соподчиненных ПЕ имеет зависимую ПЕ третьего уровня.

В газетах XIX в. встретилось восемь различных комбинационных структур двойного скращения, в то время как в материале XX в. — всего пять. Возможности скращения основных моделей не исчерпываются двойным скращением, встречаются и более сложные типы скращения, например, тройное, которое было обнаружено только в текстах XIX в. Примеры максимального количественного усложнения простого скращения: шестичастное предложение в газетах XIX в. и пятичастное в прессе XX в.; сложного скращения: одиннадцатичастное и шестичастное соответственно.

Итак, приведенные структурные и количественные характеристики многочастных сложноподчиненных предложений свидетельствуют о тенденции к упрощению сложных синтаксических структур в языке английской прессы XX в. по сравнению с XIX в. В частности, выявились определенные различия в степени развернутости полипредикативных предложений разных структурных типов в материале XIX и XX вв., что проявилось в резком сокращении числа предложений, состоящих из четырех и более ПЕ, а также в уменьшении амплитуды колебания их минимального и максимального составов на современном этапе.

Список литературы: 1. *Валимова Г. В.* Функциональные типы предложений в современном русском языке. Изд-во Ростовск. ун-та, 1967. 48 с. 2. *Иофик Л. Л.* Проблема структуры сложного предложения в новоанглийском языке. Автореф. дис. на соиск. учен. степени д-ра филол. наук. Л., 1965. 20 с. 3. *Иофик Л. Л.* Сложное предложение в новоанглийском языке. Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. 214 с.

Т. Г. ПОПОВА

АКТУАЛИЗАЦИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНЫХ ЗНАЧЕНИЙ СПОСОБОМ ВТОРИЧНОЙ НОМИНАЦИИ

Задачей данного исследования является рассмотрение взаимодействия предметно-логического содержания сообщения с информацией второго порядка, т. е. проявлениями эмотивной,

волюнтаривной и эстетической функций языка [1, с. 7]. Это требует изучения связей и взаимодействий коннотативных и денотативных значений слов, их зависимости от элементов лингвистического и экстралингвистического характера.

Известно, что значение слова выступает как диалектическое единство языкового и внеязыкового содержания, представляя собой известное отображение предмета, явления, отношения в сознании, «входящее в структуру слова в качестве так называемой внутренней его стороны, по отношению к которой звучание слова выступает как материальная оболочка, необходимая для возникновения формирования, существования и развития лексического значения» [9, с. 89]. Будучи позиционно обусловленными, значения слова не выступают независимо друг от друга: сферы их действия нередко перекрещиваются. Употребление слова в каком-либо значении предполагает определенный контекст, определенную соотнесенность слова с денотатом (денотативная функция) или опосредование референту некоторых признаков в семантике слова, в результате чего последнее приобретает дополнительное, т. е. вторичное значение, а референт — вторичное наименование.

Находясь во взаимодействии и взаимосвязи, лексические значения отличаются друг от друга тем, что в определенных контекстах те или иные из них могут занимать в семной структуре слова доминирующее (ядерное) или периферийное положение:

Pendent toute une semaine la pauvre humanité aura continué à se plonger jusqu'aux fesses dans la boue des rizières, à crever ses yeux pour séparer les grains du radis ménager de celle du radis fourrager et à soigner ses blessures à la rapure de pomme de terre, alors que le légume unique est-là [13, p. 11]. Значения слова могут находиться в отношении однонаправленной детерминации, т. е. когда одно из значений предполагает другое (переносное). Cinq continents se dessèchent dans l'espérance du légume unique, qui rendra ridicule cette spécialisation du poireau, du raisin ou du cerfeuil, qui sera la viande et le pain universels [13, p. 10]. Между значениями могут существовать также отношения невзаимоисключающей дизъюнкции: а) когда реализация одного из значений зависит от лексико-синтаксической позиции слова [10]: Chaque homme, même le plus laid, nourrit en soi une amorce et un secret par lequel il se relie directement à la beauté même [13, p. 18]; б) когда различающиеся в других случаях значения предстают в нерасчлененном, совмещенном виде: Ils croient qu'ils sont laids, mais qu'il est une femme qui peut les voir beaux, ils s'accrochent à elle, elle est pour eux le lorgnon enchanté et le régulateur d'un univers à yeux déformants [13, p. 18].

Отношения различия между лексическими значениями в семантике слова предстают в данном случае в виде трех оппозиций, предложенных Н. С. Трубецким: привативной, градуальной, эквиполентной. Первая — это оппозиция между понятийно-предметной семой s'accrocher — цепляться за что-либо,

зацепиться, задержаться — и эмоционально-оценочной семьей, создающей маркированность члена привативной оппозиции (приставать, докучать). Вторая оппозиция имеет место между значениями слова с эмоционально-оценочной семьей: *l'orgnon enchanté, univers à yeux déformants, laids* — *искривленный, искаженный, уродливый, искалеченный*. Дифференциальные семантические признаки выступают здесь как спецификаторы словесного эмоционально-оценочного значения, противопоставляющие внутри одной парадигмы отдельные значения. Интегрирующие семы, которые выступают в данном словесном значении в эквиополентной оппозиции, обуславливают их семантическую общность. В последнем примере дифференцирующая сема (прагматическая) занимает ядерное положение в семантической структуре слова, а интегрирующая — периферийное. Категория эмоциональной оценки в переносном значении находит выражение во вторичных окказиональных наименованиях, которые являются важнейшим источником создания эмоционально-образной экспрессии, так как лексические значения (существительных, прилагательных, глаголов) со второй стилистической маркированностью характеризуются полной семантической структурой и способны реализовать в речи как прагматическую, так и коммуникативную функции [6]. Именно это свойство полнозначных номинационных знаков, обретающих в контексте «стилистическую маркированность», способно интерпретировать любую деятельность человека, включая широкую область эмоциональных переживаний, чувственно-образных представлений об объектах реального мира. Известно, что прагматический аспект знаковой репрезентации создается тем свойством лексической единицы, которая, по замечанию А. А. Уфимцевой, квалифицируется в современном языковедении как асимметрия словесного знака [7].

Сущность вторичной окказиональной экспрессивной номинации, рассматриваемой нами как функциональный подход к категории значения, заключается в метафорическом употреблении, основанном на переносе значения с денотата на референт (метафора, метонимия, антономасия, метафорический эпитет). В основе эмоционально-оценочного наименования путем вторичной знаковой репрезентации происходит сдвиг информативной функции и опосредование прагматической на основе переноса общего признака с объекта первичной номинации на объект вторичного наименования. Создается семантическая двуплановость, создаваемая узуальным значением и окказиональным смыслом:

Je tiens d'abord à vous dire que vous êtes un être immonde, une crapule de l'espèce la plus malpropre que j'aie jamais vue [14, p. 28].

Оба типа значений (денотативное и эмоционально-экспрессивное) сосуществуют в одном контексте и воспринимаются

сознанием одновременно. Происходит, как справедливо заметил И. Р. Гальперин, «одновременная реализация системного значения и окказионального смысла: в семантической структуре слова оба эти значения эквиполентны и занимают доминирующее положение» [4]. В синтаксическом плане реализация эмоционального значения путем окказионального переименования сопровождается нарушением потенциальной сочетаемости в пределах структуры предложения [2]. В случае окказионального эмоционального переименования номинативный аспект актуализируемой единицы характеризуется одновременной соотнесенностью с узуальным денотатом и окказиональным референтом (предметом обозначения). В результате этого создается конкретно-чувственное представление об объектах реального мира. Кроме того, эмоционально-экспрессивное переосмысление предмета наименования (референта) сопровождается появлением эмоционально-оценочных смыслов:

Mais non... J'ai coulé toute ma chaude-pisse d'existence ici, je te dis!
Dans la Merdecluse! [14, p. 7].

Актуализация эмоциональной отрицательной семы «негодование», «презрение» становится основанием для формирования окказионального отрицательного эмоционально-оценочного смысла и появления окказиональной соотнесенности с эмоционально-квалификативными сферами познавательной деятельности человека. В гносеологическом плане окказиональное переименование осуществляется на основе семантико-ассоциативных связей отраженного понятия и опосредованного нового признака, что приводит к новому способу наименования объектов и явлений окружающего мира.

Особый интерес представляет тип окказионального наименования (приобретающего в определенном контексте стилистическую маркированную знаковую репрезентацию), который связан с созданием эмоционально-оценочных смыслов в случаях актуализации нейтральной лексической единицы, обладающей свойством в зависимости от общего контекста, от различного рода ассоциаций «приобретать определенные эмоционально-стилистические пометы» [10]. Так, использование нейтрального существительного *boucher* с семой отрицательно-эмоциональной направленности в диалоге между почтенным, великодушным, честным человеком мясником Дюксемом и Люсьен — хитрой, коварной женщиной, убившей своего мужа и негодующей по поводу отказа Дюксена принять на себя совершенное ею преступление, сигнализирует о стилистической несовместимости нейтрального существительного и его необычного употребления:

Lucienne: Assassin! Duxin: Va réchauffer ton mort dans tes bras de putain qui me caressait tout à l'heure, quand il fallait sauver ta peau.
Lucienne: Assassin! Boucher! Boucher! [11, p. 227].

Под влиянием контекста общим признаком становится не профессиональная принадлежность, а характеристика человека. Контекстуальные условия актуализации лексической единицы и постоянные ассоциации, в результате которых закрепилось определенное отрицательное семантико-стилистическое содержание, способствуют изменению первичной номинативной функции, оттесняющей на периферию словесного значения денотативное значение.

Стилистически маркированные виртуальные знаки в качестве предмета обозначения имеют квалификативные сферы, а также признаки квалификативного характера, узואльно закреплённые за денотатом, на основе которых формируется тот или иной тип стилистического значения. Денотат стилистически маркированного виртуального знака потенциально содержит соотнесенность с квалификативными сферами через выделенный признак обозначения, на основе которого происходит переосмысление объекта наименования посредством оценочного, эмоционально-экспрессивного, а также чувственного или образного представления:

Tenez, hier, on jugeait un employé de magasin, **un homme doux, timide, affectueux**, mais convaincu d'avoir lardé de coup de couteau **une abominable mégère** qui l'avait tyrannisé et finalement poussé à bout après vingt ans de mariage! et moi, en homme honnête et juge, je l'ai flanqué en prison! [12, p. 146].

Актуализованный стилистически маркированный знак, выступающий с эмоционально-оценочной семой, характеризуется путем опосредования признака, который приписывается коммуникантом референту, а избирательность этого признака детерминруется условиями и задачами конкретного акта коммуникации. Референциальная соотнесенность накладывается на денотативную соотнесенность словесного знака и воспринимается как единое целое. Функционально-прагматическая направленность окказиональной номинации проявляется в данном случае в создании характеристической функции и эмоционально-оценочных сем в семантической структуре слова.

Наиболее четко своеобразие информативного и прагматического значений стилистически маркированной знаковой репрезентации прослеживается у имен прилагательных, выступающих в функции эпитета. При этом, как отмечает А. А. Уфимцева, «интегрирующая сема имен прилагательных определяется понятийной соотнесенностью и ограничивается системной семантической зависимостью, а дифференцирующие признаки выступают как разграничители, или спецификаторы, словесного значения и находятся в зависимости от конкретного лексического содержания определяемых имен существительных» [8]. Денотатом атрибутивных слов выступают качества, свойства, отношения, предсказуемые какому-нибудь предмету. Денотативная соотнесенность прилагательного с референтом оказывается се-

мантическим содержанием другого слова. В случае окказиональной сочетаемости выбор атрибутивного признака определяется за счет индуцирования основному субъекту признаков, свойств вспомогательного субъекта [3, с. 342]:

Pour les yeux, tu y gagnes. Les yeux de la beauté sont implacables. Mes yeux sont d'or blanc et mes prunelles de graphite. L'idée de la mort est venue aux hommes des yeux de la beauté. Agnès: Mal. Moi, J'ai de pauvres yeux d'agate et d'éponge, je leur fais jouer un jeu cruel! Ils ne sont pas faits pour voir la beauté suprême. Elle leur fait mal [15, p. 72].

В приведенном высказывании признаки, характерные для нескольких классов предметов, приписываются главному субъекту, внося в семантику прилагательного новый, эмоционально-экспрессивный образ. Инвариантное сигнификативное значение прилагательных *vieille*, *grande* определяется как вариантное референциальное значение, предиктируемое новому субъекту обозначения, в результате которого появляется новое эмоционально-экспрессивное значение, не имеющее места в условиях обычной сочетаемости:

Vieille nuit, *grande nuit d'avant les êtres*, *nuit du non-savoir*, *nuit de la disgrâce et du malheur*, *cache-moi*, *dévore mon corps immonde*, *glisse-toi*, *entre mon âme et moi-même*, *et ronge-moi*, *torture-moi!* [14, p. 21].

Стилистическая репрезентация имени прилагательного основана на нарушении принципа семантической избирательности. Указанные семантические процессы ложатся в основу образования характеристической семы, занимающей равноправное положение с доминирующей денотативной семой в структуре словесного значения. Соотношение денотативной и референциальной сем в процессе эмоционально-экспрессивной номинации адъективных знаков обуславливается лексическим содержанием определяемых имен существительных:

Bien sûr, Ils'agissait d'un vilain crime crapuleux! [12, p. 15].

В результате нарушения потенциальной сочетаемости и расширения значения слова, в основе которых лежит нарушение различных типов оппозиций (одушевленность/неодушевленность), квалификативная направленность становится ведущей в смысловом содержании слова, а назывная функция узואльно-закрепленной единицы несколько приглушается, становится «глубинной», сохраняя, однако, своего рода «внутреннюю» предикацию:

Prophète: La terre a des odeurs. Le soleil s'est plaint au bon Dieu! Seigneur, je veux m'éteindre. J'en ai plein le dos de cette pourriture! Plus je la réchauffe, plus elle pue. Elle salit de bout mes rayons. Ma belle chevelure d'or trempe dans la merde [14, p. 28].

Итак, проанализировав соотношение между ядерными и периферийными семами словесного значения стилистически марки-

рованного знака путем вторичной номинации, мы установили, что степень сложности ведущего и «приглушенного» лексических значений в семантической структуре слова находится в зависимости от функционального уровня, на котором происходит семантическое членение. Соотношение между семами, обусловленное соотношением между ведущей и периферийными функциями слова, способствует формированию того или иного типа словесного значения [5, с. 73]. Так, на функциональном уровне (ярус II) [5, с. 73], информативном и прагматическом имеют место два типа словесного значения: 1) ядерная сема информативная + ядерная сема прагматическая (*salope, crapule, Judas d'Escariote*); 2) ядерная сема прагматическая + периферийная сема информативная (*abominable, doux, puant*). У слов типа *crapule, rougisseau* информативная и прагматическая функции эквиполентны, в то время как у стилистически маркированных слов типа *abominable* ведущей является прагматическая функция, поскольку подобные слова служат средством воздействия на эмоционально-кваликативную сферу восприятия человека. Между словами разных функциональных уровней (ярусов) существуют отношения субординации. Чем выше функциональный ярус, тем выше ранг соответствующей семы:

Hypocrite! Cette nuit tu as pouvoir de vie et de mort sur mille hommes, mille destins! [14, p. 52].

На функциональном ярусе II семы слова *hypocrite* расчлняются так: информативная сема на функциональном ярусе III распадается на «вещественную» и «релятивную», а прагматическая — на сему «эмоциональной оценки» и «экспрессивности». На функциональном ярусе IV номинативная сема выделяет более конкретную сему «человек», релятивная — сему «предметности», эмоционально-оценочная — отрицательную сему (эмоциональная оценка), экспрессивная — «интенсивную сему». На ярусе V сема «человек» становится более конкретной: «человек неискренний, фальшивый в поведении»; сема «предметности» выступает в релятивных семмах: «одушевленность», «нарицательность», принадлежность лицу, род, падеж. Сема «отрицательная эмоциональная оценка» реализуется в виде эмоциональной семы «возмущение», «поричание». Однако в потоке речи все словесные значения, в том числе те, которые появились путем вторичной номинации, тесно связаны с логической структурой предложения, с его смыслом, а также с коммуникативной перспективой высказывания.

Вторичные наименования словесных значений, стилистически маркированных и получивших стилистическую маркированность в результате актуализации, формируются в теснейшем взаимодействии трех фундаментальных для языка функций: коммуникативной (ярус I), воздействующей на формирование

смыслового содержания новых наименований; прагматической (эмоционально-экспрессивной, эстетической — ярус II), связывающей номинальное значение с условиями речевого общения и обуславливающей либо нейтральный, либо эмоционально-экспрессивный (квалификативный) характер результата номинации; и, наконец, собственно-номинативной (классификационной), придающей акту высказывания упорядоченный, завершённый характер. Взаимодействие этих функций играет роль тех языковых условий, в которых рождаются, формируются и развиваются единицы с определенной иерархией сем номинативной и эмоционально-экспрессивной направленности.

Список литературы: 1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. Л., Просвещение, 1973. 302 с. 2. Арутюнова Н. Д. Предложение и смысл. М., Наука, 1976. 383 с. 3. Арутюнова Н. Д. Функциональные типы языковой метафоры. — В кн.: Серия литературы и языка. М., Наука, № 4, т. 37, 1978. с. 333—342. 4. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике современного английского языка. М., Изд-во иностр. лит., 1958. 458 с. 5. Киселева А. А. Коммуникативные языковые функции и семантическое строение словесного значения. — В кн.: Проблемы семантики. М., Наука, 1974. с. 66—74. 6. Уфимцева А. А. Теоретические проблемы слова. — В кн.: Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., Наука, 1970. 383 с. 7. Уфимцева А. А. Типы языковых знаков. М., Наука, 1974. 206 с. 8. Уфимцева А. А. Лексика. — В кн.: Общее языкознание. т. 2, М., Наука, 1972. 476 с. 9. Смирницкий А. И. Значение слова. ВЯ, 1957, № 2, с. 79—89. 10. Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика. М., Просвещение, 1977. 353 с. 11. Aymé M. Lucienne et le boucher. Paris, Bernard Grasset, 1947, 241 p. 12. Aymé M. La tête des autres. Paris, Bernard Grasset, 1952, 175 p. 13. Giraudoux J. L'Appolon de Bellac. Paris, Bernard Grasset, 1947. 158 p. 14. Sartre J.-P. Le diable et le bon Dieu. Paris, Gallimard, 1951. 252 p.

А. Л. БЕЛОГУБ, канд. филол. наук

К ВОПРОСУ О РОЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКТОРА В ПРОЦЕССЕ МИГРАЦИИ ТЕРМИНОЛЕКСИКИ

Известно, что процесс миграции терминологической лексики совершается под воздействием ряда факторов, важное место среди которых занимает фактор экономический. Характер его влияния на заимствование терминов не нашел еще должного научного освещения. В данной статье путем корреляционного анализа терминологии делается попытка ответить на вопрос, существует ли зависимость между количеством иноязычных элементов в конкретной отраслевой терминологической системе и уровнем экономического развития той или иной страны.

Материалом для исследования служит немецкая техническая периодика за 1870—1970 годы. Нами проанализировано сто двадцать тематически однородных текстов (объемом не менее 10 000 печатных знаков каждый), временной интервал между которыми составляет 20 лет. Были вычислены процент иноязычных терминов в текстах, средний процент заимствова-

ний в каждый период времени и средняя ошибка выборочной средней, показывающая расхождение между выборочной и генеральной средними *. Два последних параметра приведены в табл. 1 (y — средний процент иноязычных терминов, μ — средняя ошибка выборочной средней, t — год опубликования исследованных текстов).

Таблица 1

Средний процент иноязычных терминов
в отраслевой терминологии

t	1870	1890	1910	1930	1950	1970
y	27,161	22,730	24,599	24,585	27,990	35,368
μ	2,7	5,6	2,6	4,3	2,9	4,0

Сопоставим эти данные с индексом промышленного производства Германии ** (см. табл. 2, где x — индекс промышленного производства).

Таблица 2

Средний процент иноязычных терминов
и индексы промышленного производства

t	1870	1890	1910	1930	1950	1970
y	27,1	22,7	24,6	24,5	27,9	35,4
x	17,5	40,3	100,0	79,4	146,5	548,0

Оба показателя (x , y) являются переменными величинами, каждая из которых изменяется под воздействием многих факторов. Так, число иноязычных терминов в языке зависит от уровня культурного развития народа, технической политики страны, состояния ее внешних экономических связей и т. д. Однако наша задача — выяснить, может ли величина y изменяться под воздействием величины x .

* Методику расчета средней взвешенной и средней ошибки выборочной средней при собственно-случайном отборе см.: Практикум по общей теории статистики. Под ред. проф. Н. Н. Ряузова. М., 1973, с. 98, 152.

** См.: Экономическая история капиталистических стран. Под ред. В. Т. Чунтулова, М., 1973, с. 203, с. 272. Показатели с 1950 по 1970 гг. относятся только к Федеративной Республике Германии. Индексы промышленного производства ФРГ вычислены нами по отношению к 1910 г. на основании данных этой книги, а также сведений из Большой Советской Энциклопедии [1].

Известно, что связь одной переменной величины со средним значением другой выражается уравнением связи, простейшим видом которого является выражение

$$\bar{y}_x = a_0 + a_1 x, \quad (1)$$

где a_0, a_1 — параметры уравнения, вычисляемые по следующим формулам:

$$a_0 = \frac{\sum y \sum x^2 - \sum xy \sum x}{n \sum x^2 - \sum x \sum x}; \quad (2)$$

$$a_1 = \frac{n \sum xy - \sum y \sum x}{n \sum x^2 - \sum x \sum x}. \quad (3)$$

С помощью этих выражений определим теоретические значения $\bar{y}$ в зависимости от x , используя для этого эмпирические значения x и y . Для определения параметров уравнения строим расчетную таблицу (см. табл. 3).

Таблица 3

Определение параметров уравнения

x	y	x^2	xy	$\bar{y}_x$
17,5	27,10	306,25	474,25	24,17
40,3	22,70	1624,09	914,81	24,65
100,0	24,60	10000,00	2460,00	25,90
79,4	24,50	6304,36	1945,30	25,47
146,5	27,99	21462,25	4100,53	26,88
548,0	35,40	300304,00	19399,20	35,31
931,7	162,29	340000,95	29294,09	162,38

Вычисляем значения a_0, a_1 :

$$a_0 = \frac{162,29 \cdot 340000,95 - 29294,09 \cdot 931,7}{6 \cdot 340000,95 - 931,7 \cdot 931,7} = 23,797;$$

$$a_1 = \frac{6 \cdot 29294,09 - 162,29 \cdot 931,7}{6 \cdot 340000,95 - 931,7 \cdot 931,7} = 0,02095.$$

Подставляем найденные значения a_0, a_1 в уравнение (1), получаем

$$\bar{y}_x = 23,797 + 0,02095 x.$$

В последней колонке табл. 3 приведены значения $\bar{y}_x$, т. е. теоретический уровень количества иностранных терминов, вычисленный по формуле (1). Для 1870 г., например,

$$\bar{y}_x = 23,797 + 0,02095 \cdot 17,5 = 24,17.$$

Для 1890 г.

$$\bar{y}_x = 23,797 + 0,02095 \cdot 40,3 = 24,65 \text{ и т. д.}^*$$

Из значения параметра a_1 следует, что средний процент иноязычных терминов в рассматриваемый период имеет тенденцию к росту, которая зависит от уровня промышленного производства страны: при увеличении

индекса промышленного производства на 1% средний процент иноязычных терминов в языке возрастет на 0,02%.

Графически данная корреляционная зависимость представлена на линейной координатной диаграмме (см. рис.). На оси абсцисс отложены средние значения факториального признака (показатели промышленного производства Германии), на оси ординат — средние величины результативного признака (средний процент иноязычных терминов). Однако временная последова-

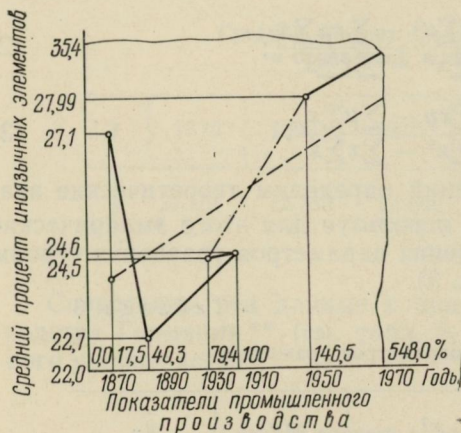
тельность на графике нарушена, поскольку в экономике Германии 30-х гг. XX в. наблюдался некоторый застой. Поэтому показатель 79,4 (1930 г.) предшествует на оси абсцисс значению 100 (1910 г.). Аналогично (в порядке возрастания средних величин) расположены на оси ординат показатели среднего процента иноязычных элементов в терминосистеме.

На координатном поле диаграммы изображены полученные значения среднего процента иноязычных терминов в подсистеме (величина y) графически, т. е. определим эмпирическую линию связи (на графике — ломаная кривая). Из-за историко-экономической разнородности периодов, разделенных годами второй мировой войны, целесообразно показать часть эмпирической линии штрих-пунктиром.

В то же время эмпирическая линия имеет «зубцы», иллюстрирующие действие других факторов, например, политической ситуации в стране, на количество иноязычных терминов. Если же исключим влияние всех факторов, кроме экономического, и нанесем на график теоретические значения $\bar{y}_x$, то получим прямую линию **.

* Подробно технику таких расчетов см.: Практикум по общей теории статистики. Под ред. проф. Н. Н. Рызова. М., 1973, с. 288.

** В связи с техническими трудностями на рисунке показан обрыв теоретической и эмпирической линий связи, относящихся к временному интервалу 1950—1970 гг. При продолжении эти линии заметно сближаются.

Данная теоретическая линия связи изображена на графике в виде пунктирной прямой на фоне фактических значений. Она выражает зависимость по уравнению (1) и указывает на наличие корреляционной связи между иноязычными терминами и экономическим фактором.

Список литературы: 1. Большая Советская Энциклопедия. 2-е изд., т. 11, с. 19. 2. Практикум по общей теории статистики. Под ред. проф. *Ряузова Н. Н.* М., Статистика, 1973, 360 с. 3. Экономическая история капиталистических стран. Под ред. *Чунтулова В. Т.* М., Высшая школа, 1973, 374 с.

О. А. РАССКАЗОВА

О ТИПОЛОГИИ КОНСТРУКЦИЙ СОВРЕМЕННОГО ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА, ВЫРАЖАЮЩИХ ПАССИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

В теоретических курсах по грамматике категория залога в той или иной форме традиционно связывается с различной направленностью процесса: в форме активного залога действие трактуется как исходящее от субъекта, а в форме пассивного — как испытываемое его объектом. В этом традиционном толковании очевидно противоречие: ведь говоря о залоге, мы прежде всего имеем в виду формы словоизменения глагола, т. е. части речи и, следовательно, с этой точки зрения подходим к залогу как к категории морфологической. Другими словами, основное внимание обращается не на функцию этих форм в системе, не на их значение, а на то, чем эта категория выражается. Между тем принято считать, что залоговые формы выражают отношение процесса к субъекту или объекту, и, как бы оно ни толковалось, вопрос о категории залога неизбежно связывается с общим синтаксическим вопросом субъектно-объектных отношений. Поэтому залог необходимо анализировать в единстве и взаимодействии двух планов — парадигматического и синтагматического.

Проблеме категории залога во французском языке посвящено немало работ. Следует отметить, что появление исследований структурального направления позволило по-новому подойти к ее рассмотрению. Различные точки зрения относительно категории залога во французском языке подвергаются анализу в работе Л. И. Илии «Проблема залога во французской грамматике» [4]. Большой интерес представляет теория одного из ведущих французских лингвистов Л. Теньера. В известном труде «*Elements de syntaxe structurale*» [9] он подчеркивает, что помимо субъекта в процесс могут быть вовлечены и другие участники действия, субъект только первый актанта; причем актанты взаимозаменяемы в их отношении к процессу. Глаголы

неодинаковы по своей валентности и по числу актантов, а последние различны по функции и способам связи с глаголом. Определяя залог как отношение между актантами, Теньер подчеркивает, что по существу залог глагола находится в зависимости от числа актантов, которые он может иметь. Отсюда залог — основа формирования структурных типов предложения [9].

Появление понятия функционально-семантического поля с его структурой и «общим инвариантным понятийным элементом» [2] дает возможность рассматривать залог глагола в одном ряду с теми разнообразными языковыми единствами, с которыми он взаимодействует на функциональной основе, образуя широкое функционально-семантическое поле — залоговость (термин, введенный А. В. Бондарко, входит в тот ряд терминов и стоящих за ними понятий, к которому относятся аспектуальность, темпоральность, персональность). Ядром поля в данном случае является глагольная аналитическая форма, а его периферию составляют функционально примыкающие образования, синонимичные категории пассива — функциональные синонимы, т. е. единицы различных языковых уровней, способные в определенных контекстуальных условиях реализовать семы, тождественные семам основного значения грамматической формы.

При исследовании пассивных конструкций нами использовались следующие методы: смыслового компонентного анализа и трансформационный.

Варианты лексического наполнения залоговой конструкции весьма многообразны. В залоговом отношении, которое выражается тремя лексемами (субъект—действие—объект), каждая лексема может подвергаться семантико-стилистическому и грамматическому преобразованию. Так, глаголы *ouvrir* и *fermer* могут быть непереходными и так же, как *s'ouvrir* и *se fermer* переводятся на русский язык глаголами открываться и закрываться в том случае, когда они имеют значение начинать и кончать работу: *La caisse ouvrait à dix heures et fermait à cinq heures*. Этот пример иллюстрирует отвлечение исполнителя действия от участия в последнем и замену подлежащего активного типа предложения объектом или посредником действия (так называемый «сдвиг субъекта») [8]. Он подчеркивает подвижный характер актантов в их отношении к процессу.

Рассматриваемые ниже пассивные конструкции представляют собой устойчивые глагольно-именные сочетания аналитической структуры, активные по форме, но пассивные по признаку аффицированности субъекта. Глаголы этих структур отличаются многовалентностью, т. е. большим числом зависящих от них актантов. Объединяющим для всех конструкций является

понятие пассивности, под которым подразумевается центро-стремительная направленность действия (процесса) на инактивного в широком смысле или аффицированного участника ситуации со стороны эксплицитно выраженного внешнего деятеля (центростремительная направленность действия в страдательном залоге и в описательных пассивных конструкциях противопоставляется в активе центробежной направленности действия, где прямой деятель в функции грамматического подлежащего сам является источником действия, его производителем) [2].

Следует отметить, что значения лексико-семантических конструкций пассива не однозначны. Субъективный компонент фразовых глаголов этого типа может представлять наименование действия, процесса, состояния, результативности и т. п. Кроме того, описываемые конструкции обладают разной интенсивностью признаков, указывающих на определенную градацию выраженности пассивности. В некоторых из них аффицированность проявляется в чистом виде, без сопутствующих значений, в других — лишь при наличии аспектуальных или модальных наслоений. Максимальный набор признаков имеет глагольная аналитическая пассивная форма, обладающая к тому же ядерным, т. е. наиболее существенным, обобщенным значением: *être + +participe passé*. Более близко к пассивной форме располагаются конструкции, имеющие противочлен в активе (ср.: *le problème est à résoudre—résoudre le problème, être sous la surveillance—surveiller*), другими словами, отвечающие критерию позиционного трансформирования. Конструкции, не имеющие противочлена в активе (ср.: *obéir à un parti pris, servir de qch.*), представляют собой ассиметричные формы с меньшей степенью выраженности пассивного значения и с большим участием модальных или аспектуальных значений.

Исходя из сказанного, можно выделить шесть лексико-семантических моделей пассивных конструкций. Под моделью мы понимаем разнообразные синтаксические структуры плана выражения, объединенные общим семантическим заданием:

1) пассивность — процессуальность,	4) пассивность — результативность,
2) пассивность — дюративность,	5) пассивность — возможность,
3) пассивность — ингрессивность,	6) пассивность — необходимость.

Модель 1. Конструкции типа *souffrir la séparation, éprouver les tourments, courir un danger* по своему значению наиболее близко примыкают к регулярному пассиву. Их процессуальность подчеркивается прежде всего формирующими глаголами

и процессуальным представлением глагольного действия. Особенностью конструкций данной модели является выражение совершаемости действия с указанием на сопутствующие обстоятельства, конкретизирующие реализацию процесса, заложенного в именном компоненте: временные, причинные и т. д.

Модели 2, 3, 4 включают конструкции, сочетающие пассивность с выражением аспектно-видовых значений, таких как дюративность, ингрессивность, результативность, то есть значений, связанных со способами протекания центростремительного действия.

Модель 2. Формируется непереходными неперелыми глаголами *être, rester, demeurer, se trouver, paraître, sembler* и причастием прошедшего времени:

Nous restions cloués sous le soleil.

Ils se trouvaient tourmentés.

Il a paru intéressé.

Ils semblaient abattus.

Эти конструкции могут формироваться несколькими синонимичными и взаимозаменяемыми глаголами на основе близости структурно-семантических свойств. Основным значением модели является обозначение центростремительного действия или процесса как не связанного с представлением о «пределе» [1].

Модель 3. Под ингрессивностью (ингрессивным, зачинательным, вступительным видом) понимается «вид, обозначающий начало действия (процесса) или его становление» [1]. В формировании данной модели принимают участие непереходные предельные глаголы с общим значением начинательности: *tomber entre les mains, tomber en désuétude, passer en usage*. Следует отметить почти полную десемантизацию глаголов, входящих в состав данных лексико-семантических структур, что позволяет рассматривать их как устойчивые фразеологические единицы, которые не разлагаются на составные части при синтаксическом анализе. Существенную роль при этом играет предложно-именный компонент конструкции, несущий основную семантическую нагрузку.

Модель 4. Формируется различными глаголами типа *gagner*, которые характеризуются как связанные с представлением об определенном пределе, о достижении известной цели. Функцией глаголов, формирующих этот подкласс, является обозначение достижения результата действия (процесса), заложенного в именном компоненте словосочетания: *gagner la confiance, obtenir l'approbation*. Пассивность конструкции данной модели подчеркивается взаимобратимостью активной и пассивной диатезы: *trouver son expression — exprimer*.

Модели 4, 5, 6. К ним относятся конструкции типа: *un devoir à faire, une chambre à louer, un problème à résoudre, une distance à franchir*.

Обращает на себя внимание организующая роль лексики в построении этих моделей и их многозначность, которая прослеживается в различных условиях контекста. Общим для них является выражение потенциальной возможности или (в зависимости от контекста) необходимости подвергать субъект центростремительному воздействию: *c'est un problème à résoudre* (возможность), *c'est un problème à résoudre d'urgence* (необходимость).

Рассмотренные нами модели позволяют сделать вывод о наличии во французском языке лексико-семантических конструкций, выражающих пассивное участие субъекта в действии и приближающихся по своему значению и синтаксической функции к регулярно пассиву. Развитие конструкций этого типа значительно расширяет окологерундную зону поля залоговости, обогащая язык синонимическими средствами выражения пассивного значения.

Список литературы: 1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., Сов. энциклопедия, 1966. 607 с. 2. Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. Л., 1976. 244 с. 3. Илья Л. И. Очерки по грамматике современного французского языка. М., Высшая школа, 1970, 174 с. 4. Илья Л. И. Проблема залога во французской грамматике. Иностран. яз. в школе, 1972, № 4, с. 10—17. 5. Краснов В. И. Опыт семантического анализа функциональных синонимов пассива в современном немецком языке. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Л., 1971. 26 с. 6. Раевская Н. Н. Очерки по стилистической грамматике современного английского языка. Изд-во Киевск. ун-та, 1973. 143 с. 7. *Damourette J. et Pichon Ed. Essai de grammaire de la langue française. Des mots à la pensée. V vol. P. 1911—1940. 710 p.* 8. *Paul H. Deutsche Grammatik, 5. Auflage, B. 3, Halle (Saale), 1958. 209 s.* 9. *Tesnière L. Eléments de syntaxe structurale. P., 1959. 404 p.*

Л. Я. СУВорова

СТРУКТУРНО-ВЕРОЯТНОСТНЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИЧЕСКИХ ВАЛЕНТНОСТЕЙ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ ГРУППЫ *good* В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В лингвистике по-разному трактуется понятие валентности. Многие исследователи считают ее потенциальной сочетаемостью. В нашем понимании этого термина мы идем вслед за Н. Д. Андреевым, определяющим валентность как избирательную сочетаемость двух языковых элементов, которая характеризуется существенным отклонением наблюдаемой вероятности от ожидаемой.

Валентность есть факт языка, который следует рассматривать на различных его уровнях: фонетическом, лексическом, морфологическом, синтаксическом и др. «Валентные отношения пронизывают весь лексический уровень языка. Они являются тем, что превращают лексику языка в систему, но не просто

в структурную систему, а в структурно-вероятностную, которая не содержит в себе внутренних противоречий» [2].

Цель данной статьи — рассмотрение лексических валентностей прилагательных группы *good*. Объект исследования — ряд состоящий из прилагательных *good, excellent, favourable, beneficial, honourable, honest, fine, nice*. Исследование проводилось на текстовом материале трех подязыков: авторской речи, драмы (диалога) и общеполитического подязыка.

Были изучены семьдесят восемь произведений современных английских и американских авторов и девятьсот восемьдесят шесть английских и американских газет. Общая выборочная совокупность составила 61 900 словоупотреблений.

Как показали данные предыдущего этапа исследования, прилагательные вышеупомянутого ряда распределились по подязыкам следующим образом: *good, fine, nice, honest* входят в основные подгруппы подязыков авторской речи и драмы (диалога); *good, excellent, beneficial, honourable, favourable* — в основную подгруппу общеполитического подязыка.

Избирательная сочетаемость присутствует в лексике любого языка. «Со статистико-комбинаторной точки зрения, — отмечает Н. Д. Андреев, — это означает, что для каждого типа (группы типов) можно выделить его ближайшее окружение как некоторое словосочетательное поле, где действуют дополнительные закономерности, создающие набор отклонений условных вероятностей от независимых, а следовательно, и возможность алгоритмического извлечения информации об узлах системы речи» [1, с. 45].

В нашем исследовании таким словосочетательным полем являются сочетания отмеченных прилагательных с существительными определенных семаклассов. Распределение существительных по семаклассам производилось с учетом толерантной природы последних. Все существительные распределялись нами по восьми семаклассам: 1) со значением имен деятеля; 2) со значением процесса, действия; 3) названия предметов, изготовленных человеком; 4) названия объектов и явлений природы; 5) названия абстрактных понятий; 6) названия животных и живых существ; 7) названия коллективов; 8) все прочие существительные.

В соответствии с методикой структурно-вероятностного анализа (СВА) были вычислены независимая вероятность (НВ), условная вероятность (УВ), коррелятивная функция (КФ), построены графики интервалов вариаций КФ и определены лексические валентности отмеченных прилагательных при заданных ограничениях. При вычислении нейтральных зон для каждого подязыка использовался триадный метод [3].

Независимой вероятностью послужила относительная частота распределения произвольных существительных по перечисленным семаклассам. (Методом сплошной выборки мы ото-

брали три тысячи произвольных существительных, по тысяче из каждого подъязыка). За условную вероятность была принята относительная частота употребления отмеченных прилагательных с существительными упомянутых семаклассов. Данные исследования отмеченных прилагательных на лексическом уровне показали, что у них есть как избирательные сочетания (маркированные каким-то одним из полярных знаков), так и сочетания, равномерно распределенные в языке. Так, прилагательное *honest* в подъязыке драмы (диалога) проявляет сильное тяготение к существительным семакласса имени деятеля. Его КФ равна 2,2, относительное квадратичное отклонение КФ (ОКО КФ) — 37%, интервал вариации КФ (ИВ КФ) — $1,39 \div 3,01$. Значение коррелятивной функции с их интервалами вариаций помогли обнаружить сильную положительную валентность, которая является вероятностным дифференциальным признаком (ВДП) прилагательного *honest*.

Если у прилагательного *honest* в подъязыке драмы (диалога) наблюдается избирательная сочетаемость с существительными семакласса имени деятеля в сторону тяготения, т. е. сильная положительная валентность, маркированная знаком +, то у прилагательного *beneficial* в общеполитическом подъязыке — избирательная сочетаемость с существительными того же семакласса в сторону полного избегания, т. е. сильная отрицательная валентность, маркированная знаком —. Наблюдаемая вероятность прилагательного *beneficial* — 0,0. Причина этого, по-видимому, заключается в том, что семантика рассматриваемых языковых единиц такова, что они избегают друг друга.

Сопоставительный анализ валентных отношений отмеченных прилагательных дал возможность обнаружить определенные подязыковые общности и различия. Важным в плане исследования синонимии представляются валентностные характеристики отмеченных прилагательных в подъязыках драмы (диалога) и авторской речи. Данные предыдущего этапа исследования показали полное совпадение основных подгрупп отмеченных прилагательных в этих подъязыках, а последующие результаты дали возможность сделать вывод о том, что в большинстве своем они имеют одинаковые лексические валентности. Полностью совпали валентностные характеристики прилагательных *good* и *honest*, почти полностью — валентностные характеристики *fine* и *nice*.

Основная же подгруппа отмеченных прилагательных общеполитического подъязыка отличается от основных подгрупп подъязиков драмы (диалога) и авторской речи не только своим составом (исключение — нейтральное *good*), но и валентностными характеристиками. Причем, если в подъязыках авторской речи и драмы (диалога) валентностные характеристики *good* полностью совпали, то в общеполитическом подъязы-

ке при одинаковых заданных ограничениях они значительно отличаются. В основе неравномерного распределения лексических валентностей прилагательных по подъязыкам лежат экстралингвистические факторы, связанные с их зависимостью от выполняемой подъязыками коммуникативно-общественной функции, от задач общения в соответствующей сфере. В подъязыках более близких, таких, как авторская речь, драма (диалог), наблюдается сходное поведение отмеченных объектов в текстовом массиве и подобие их численных характеристик в системе речи, что находится в полном соответствии с третьим принципом алгоритма статистико-комбинаторного моделирования [1, с. 26] и свидетельствует об однородности языковых элементов в этих подъязыках. А данные об однородности отмеченных объектов представляют интерес при исследовании их синонимии.

Список литературы: 1. Андреев Н. Д. Статистико-комбинаторные методы в теоретическом и прикладном языковедении. Л., Наука, 1967. 402 с. 2. Структурно-вероятностный метод анализа. Методическая разработка к спецкурсу. Днепропетровск, 1976, с. 38. 3. Исследование по структурно-вероятностному анализу. Горький, 1976, с. 115.

Е. В. ТАРАСОВА, канд. филол. наук
К ПРОБЛЕМЕ ЯЗЫКОВОГО ИНВАРИАНТА

Одним из основных принципов структурного анализа языка представляется не столько определение элементов, из которых состоит он или какая-либо его подсистема, сколько выяснение того, как эти элементы связаны друг с другом.

Каждое языковое явление обладает определенными качествами не только само по себе, но и потому, что входит в ту или иную структуру, которую оно образует в совокупности с другими явлениями. Поэтому выявление взаимосвязей и соотношений между различными лингвистическими феноменами (или их группировками), их описание показывают степень упорядоченности естественного языка и позволяют осуществить его наиболее полное описание.

Представляется, что раскрытию тезиса о системности языка (из чего вытекает и системный характер связей между его отдельными составляющими) в значительной степени способствует рассмотрение последнего в плане соотношения микро- и макрополей. Такая интерпретация глубже отражает диалектическую природу языка как сверхсложной системы. Сама идея лингвистического поля и «полевая методика» возникли в языкознании как отражение принципа инвариантности, который лежит в основе объединения в группы элементов, обладающих общими свойствами. Стержень любого языкового поля (семантического, грамматико-лексического, морфологического и т. д.) составляет одно доминантное (инвариантное) значение

и определенный набор средств, в которых оно получает специализированное выражение. Понятие инварианта в современной лингвистике непосредственно связано с проблемой образования абстракций. Инвариантное значение как абстракция воплощает в себе некоторые общие свойства предметов и явлений. Инвариант — это собирательное понятие, то общее, что существует объективно в группе явлений, объединяя их воедино. Инварианты как абстрактные единицы материализуются в речи в своих вариантах: разнообразных конкретных, чувственно воспринимаемых формах.

Абстрактное понятие инварианта «имеет важное значение для систематизации, упорядочения и классификации языкового материала» [3]. Не случайно некоторые авторы видят в полях «отражение общей тенденции к обнаружению явлений, объединяющих разнородные феномены, и к установлению инвариантов» [2].

Поле, в нашем представлении, — это особый тип системы, отражающий группировку связей и взаимопроникновения языковых элементов в самой языковой действительности. Следовательно, основной принцип группировки компонентов — общность семантической функции. Значения грамматические находят параллели в значениях лексических, т. е. и те, и другие относятся к одной понятийной сфере, имеют общий смысловой инвариант. Эта семантико-функциональная общность служит основой для объединения разнородных языковых элементов: морфологических, синтаксических и словообразовательных. Они различаются по принадлежности к структурной организации языка и по другим свойствам, но общность семантических свойств создает предпосылки для их взаимодействия. Иными словами, семантическая общность разнородных языковых элементов означает их принадлежность к единой семантической зоне. Ее инвариантом является наиболее общая семантическая черта, которая находится как бы на верхней ступени иерархии. Для различных полей темпоральности, например, — это выражение временных отношений — настоящего, прошедшего, будущего. Однако компоненты поля неоднородны: одни употребляются регулярно, другие — эпизодически, одни выражают данное значение абстрактно, другие — с разной степенью конкретности, одни занимают центральное положение, другие — подчиненное им. Поэтому на более низких ступенях этой иерархии уже имеет место значительное семантическое варьирование. Так, маргинальные компоненты основных полей времени совмещают в своей семантической структуре временные смыслы с смыслами другого рода.

Хотя инвариант как «элемент абстрактной системы языка в отличие от ее конкретной реализации» [1] уже привлекал внимание языковедов, нам кажется, что структура инвариантов некоторых языковых подсистем изучена недостаточно.

Так, мы полагаем, что инварианты по своей природе неоднородны. Инвариантные значения могут быть различной степени сложности в зависимости от числа включенных в них семантических компонентов (семем). С точки зрения моно- или поликомпонентности (полисемемности) природа инварианта, по нашим данным, прежде не рассматривалась.

На наш взгляд, можно говорить о двух-, трех- и более семемных инвариантах на уровне парадигматики. Так, если основное значение страдательного залога можно представить как моносемемное, то семантическая структура инварианта длительного вида (маркированного члена оппозиции вида) — двухсемемна и включает семему длительности и семему ограниченности во времени.

В этой связи подробнее рассмотрим природу инварианта исследованного нами ранее грамматико-лексического микрополя будущего в английском языке [4]. В основе этого микрополя — инвариантное значение будущего. Поликомпонентность инвариантного значения становится очевидной, например, при анализе вторичных грамматических средств выражения футуральности, к которым в описанном ранее поле относятся императив, некоторые формы сослагательного наклонения и так называемое транспонированное настоящее, т. е. случаи, когда действие, относящееся к сфере будущего, передается формами настоящего времени.

Исходя из этого мы сделали вывод, что существуют два типа вторичных средств выражения понятия будущего: первый включает средства, инвариантное значение которых содержит семему будущего наряду с другими семемами на уровне парадигматики; второй — средства, которые содержат семему будущего только в синтагматике, когда определенный элемент вступает в комбинаторные отношения с другими языковыми элементами в речевом потоке.

К первому типу принадлежат повелительное и сослагательное наклонения. Инварианты этих компонентов микрополя полисемемны. Глагол в повелительном наклонении не образует оппозиции времени, но так как основной функцией императива является выражение побудительности (просьбы, приказания, увещевания к осуществлению или прекращению действия после момента речи), то он в силу этого обладает семемой будущего, которая вытекает из природы самой побудительности. Сюда включены также чрезвычайно малочисленные в нашем исследовании случаи так называемого псевдоимператива со значением условия типа «You just do it and you'll get it hot», который можно рассматривать как промежуточную ступень между повелительным наклонением и настоящим временем, употребленным в значении будущего. Таким образом, инвариант императива как компонента (оппозита) категории наклонения — обязательно двухсемемный.

Для инварианта глагола в сослагательном наклонении на парадигматическом уровне характерно сосуществование семем «настоящее—будущее»: «An aroused public opinion should demand that this rape of the province be halted at once» (Canadian Tribune). «In the meantime there's some Scotch in the bottle if you'd care to stop in tonight» (Salinger). На основании этого представляется правомерным отнесение некоторых граммем сослагательного наклонения (например, сослагательного I, некоторых форм сослагательного II и кондиционалиса) к числу средств, выражающих футуральную перспективу.

Ко второму типу мы относим средства, возникающие только в синтагматике, т. е. при употреблении языковой единицы в «несобственной» функции, за счет чего обогащается семантическое содержание данной грамматической единицы. В рассматриваемом микрополе — это формы настоящего времени в сочетании с различными элементами категорий вида и временной отнесенности, употребленные в значении будущего. Сема будущего выступает здесь только на уровне синтагматики. Часто она усиливается либо определенной семантикой глагола (чаще всего это наблюдается с предельными глаголами), либо чисто лексическими или синтаксическими средствами выражения будущего: «I don't know when the hell he's coming back» (Coldwell). «He is returning home soon» (Barret). «I'm flying to Australia Tuesday week» (Christie).

При транспозиции времен также происходит перегруппировка семем: на первый план отчетливо выступает модальная коннотация «уверенности», что происходит, как правило, за счет ослабления темпорального значения граммемы настоящего. В то же время коннотация предположительности, присущая обычно формам будущего, отсутствует в семантической структуре настоящего времени, используемого во вторичной функции. Следовательно, эти грамматические единицы характеризуются вариативностью, т. е. способностью в разной степени отходить от своего парадигматического (инвариантного) значения.

Инвариантность и вариантность, таким образом, представляют собой две характеристики валения, входящего в определенный класс. Свойство инвариантности характеризует то общее, что объединяет данный языковой элемент с ему подобными. Инвариантность существует в явлении как общее в отдельном.

Поскольку представленные в данной статье соображения относительно существования в языке инвариантов различной степени сложности являются предварительными, затронутая проблема требует дальнейшего исследования.

Список литературы: 1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., Советская энциклопедия, 1969, с. 176. 2. Принципы и методы лексико-грамматических исследований. Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та, 1971, с. 41. 3. Солнцев В. М. Абстракция и проблема абстрактных сущностей в лингвистике. — В кн.: Ф. Энгельс и языкознание. М., Наука, 1972, с. 88. 4. Тарасова Е. В. Грамматико-лексическое микрополе будущего в английском языке. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук, Киев, 1976. 25 с.

Т. М. ТИМОШЕНКОВА

НОМИНАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ МОДЕЛИ $N_1-V_{\text{сop}}-N_v$ СО ЗНАЧЕНИЕМ КАЧЕСТВЕННОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ СУБЪЕКТА

Детерминирующие предложения модели $N_1-V_{\text{сop}}-N_v$ включают несколько разрядов, отличающихся своими структурно-семантическими особенностями и объединенных общим значением *предсказание того или иного признака предмета* — в отличие от реляциональных предложений, предикат которых устанавливает отношения между предметами. Детерминирующие предложения подразделяются на собственно-детерминирующие, статочно-детерминирующие и процессуально-детерминирующие.

В разряде собственно-детерминирующих предложений довольно многочисленную группу составляют предложения со значением качественной характеристики субъекта. Их компоненты находятся в отношениях детермината (субъект) и детерминанта (предикат).

Субъект может быть охарактеризован:

по внешнему виду или физическому состоянию: dwindler, starveling, looker, stayer etc.;

по какой-либо черте характера: sucker, cruiser, dresser, darer, scrapper etc.;

по манере выполнения тех или иных действий: toddler, stammerer, loner etc.;

по манере поведения в обществе и по отношению к людям: rejector, leader, disputer etc.;

по привычному действию, состоянию или процессу: giggler, worrier, brooder, contemplatist etc.;

по впечатлению, производимому на окружающих: dazzler, topper, stunner etc. и по другим качествам. Например:

He's a hooker and he carries his hands pretty low (Hemingway E. Selected Stories. M., 1971, p. 140);

She was a saver — saved money, saved electricity, saved string, bags, sugar, saved — him (Short Stories. N.-Y., 1962, p. 405);

She was not an emotional hysteric, a leaner, an obsessive neurotic (Wallace I. The Prize. A Four Square Book, 1967, p. 19);

The third was a born giggler, who would, he was sure, laugh at whatever anyone else said (Christie A. The Clocks. N.-Y., 1976, p. 5).

В рассматриваемой группе выделяются предложения положительной и отрицательной качественной характеристики. Особенно многочисленны предложения с N_v , выражающим отрицательную качественную характеристику.

Отрицательная оценка субъекта может быть вызвана:

1. Действием субъекта: bluffer, cheater, faker — *обманщик, мошенник*; destroyer, devastator, murderer — *губитель, разрушитель, опустошитель*; disturber, invader, roacher, trespasser — *нарушитель* (законов, правил, границ, моральных норм); adulterer, defector, deserter — *изменник, предатель, доносчик*; breaker, burglar, ravisher — *вор, разбойник*; hireling, pusher, scavenger, scrubber — *человек, занимающийся незаконным или малопочтенным ремеслом и т. п.* Например:

Among the more notable St. Clairs were at least two known murderers, three convicted traitors, and one particularly ambitious gentleman (Braine I. Life at the Top. Penguin Books, 1965, p. 17);

This place belonged to Christophe. It belongs to me. You and Pascal are thieves and trespassers (Wylie I. A. R. The Undeclared. Pan Books, 1960, p. 245).

2. Личными качествами субъекта, манерой поведения: enforcer, hustler, pusher — *напористый и бесцеремонный человек*; ambitionist, climber — *карьерист*; dodger, intrigant — *проньера, хитрец*; amasser, scraper — *скряга* и т. п. Например:

«Maureen's our little hustler, aren't you, Maureen, dear?» — «That's how I make my living, dear», Maureen said sweetly. «I hustle and I admit it» (Jones J. From Here to Eternity. Fontana ≠ Collins, 1975, p. 225).

3. Отношением субъекта к людям: croaker, growler, grumbler — *неуживчивый человек, придира, ворчун*; banterer, chaffer, derider — *насмешник*; annoyer, dunner — *назойливый человек*; creeper, crawler, flatterer — *подхалим, низкопоклонник* и др. Например:

Captain Holmes grinned at his own joke. A few people laughed. «Crawlers», Prew. thought (Jones J. From Here to Eternity, p. 431).

4. Отношением субъекта к труду: dawdler, loafer, slacker — *бездельник*; blotter, blunderer, duffer — *плохой работник*; cruiser, drifter — *человек без определенных занятий и т. д.* Например:

Captain Wexford Tolifer considered Bruce «a waster and a social loafer» (Dreiser T. The Stoic. M., 1962, p. 55);

«I'm so frightfully bad at everything — an absolute duffer, aren't I, Tony darling?» (Christie A. Murder in the Mews. Pan Books, Lnd and Sydney, 1976, p. 175).

Группа существительных со значением положительной оценки не столь многочисленна. Субъект может быть охарактеризован положительно:

а) по выполняемому действию (deliverer, liberator, protector, rescuer etc.): You are my best friend and my deliverer (Divine D. Thunder on the Chesapeake. Popular Library, N.-Y., 1961, p. 458).;

б) по отношению к другим людям (charmer, enchanter, mixer etc.): She's a charmer. Very pretty. Excellent little mother (Galsworthy I. The Silver Spoon. M., 1975, p. 50);

в) по впечатлению, производимому на окружающих (clinker, dazzler, stunner, topper etc.): Mother always says he was a topper (Galsworthy J. In Chancery. M., 1975, p. 55).

г) по характеру выполнения того или иного действия (buckler, sniper etc.); по своим моральным качествам (darer, scraper etc.); физическому состоянию (stayer etc.); внешнему виду (looker etc.): «There is that girl I used to run round with». «Wo-oh — ain't she a looker!» (Cusack D. Say No to Death. M., 1961, p. 26).

Существительные со значением качественной характеристики субъекта образуются от глаголов с помощью следующих суффиксов (в порядке убывающей частотности): **-er** — brooder, fusser, rescuer etc.; **-or** — impostor, originator, speculator etc.; **-ist** — alarmist, ambitionist, conformist etc.; **-ant** — assailant, complainant etc.; **-ster** — gangster, tipster, trickster etc.

Употребление некоторых других суффиксов можно считать окказиональным: **-ar** — beggar, liar etc.; **-ling** — hireling, starveling etc.; **-ard** — drunkard; **-ee** — debauchee etc.

Сема положительной или отрицательной качественной оценки может быть заложена в самом исходном глаголе (deceive, swindle, corrupt, murder, betray, rob, torment, deliver, save etc.), а также может возникать при метафоризации его значения: climber — в значении *карьерист*, buzzer — *сплетник*, crawler — *низкопоклонник*, charmer и enchanter — *обворожительный человек*.

В то же время практически любое предложение модели $N_1-V_{\text{сop}}-N_2$ может приобретать характер качественной оценки субъекта.

Это происходит в следующих случаях:

1. Когда сема повторяемости действия или процесса закрепляется как признак субъекта:

Mrs. Ellis: And you've a toucher, you constantly touch people or lean on them... There are many of you: the touchers and the leaners (Hellman L. Three American Plays. M., 1972, p. 180).

2. При модификации именного компонента модели:

«That Fisher kid's a natural fighter» (Robbins H. A Stone for Danny Fisher, Pocket Book, N.-Y., p. 38); ...He was such a terrific whistler, the best I ever heard (Salinger J. D. The Catcher in the Rye. M., 1968, p. 134).

НОМИНАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ МОДЕЛИ $N_1-V_{\text{сop}}-N_v$ СО ЗНАЧЕНИЕМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ СУБЪЕКТА

Среди номинальных структур модели $N_1-V_{\text{сop}}-N_v$ большой интерес для исследователя представляют структуры, включающие в функции предикатива имена лиц, образованные от глаголов путем деривации. В зависимости от ряда факторов — лексической семантики исходного глагола, модификаций именного компонента, ситуативных условий — модель $N_1-V_{\text{сop}}-N_v$ дает предложения разной категориальной отнесенности (реляционные, детерминирующие, бытийные). Объектом нашего внимания в данной статье являются предложения с существительным-предикативом, указывающим на профессиональную принадлежность субъекта. Мы относим предложения такого категориального разряда к детерминирующим. Их компоненты находятся в отношениях детермината (субъект) и детерминанта (предикат).

Круг глаголов, при номинализации которых образуются существительные со значением профессиональной принадлежности, очень широк. Он включает:

1. Глаголы направленного физического механического действия: box, fight, wrap, wrestle etc.: I was a cash girl and a wrapper and then a shop girl... (O. Henry. Short Stories. M., 1956, p. 143).

2. Глаголы суждения и мышления, умозаключения и логического вывода: account, calculate, classify, investigate etc.: I'm an accountant by profession (Maugham W. S. Rain and Other Short Stories. M., 1977, p. 286).

3. Глаголы со значением каузации и преобразующего воздействия на объект: clean, cultivate, educate, mill etc.: Her father was a market gardener as well as the miller (Short Story Masterpieces. Dell Publishing Co., N.-Y., 1954, p. 116).

4. Глаголы со значением *определять, оценивать, устанавливать*: appraise, assess, sort etc.: 'Seen 'em all. You ought to know Reub Stegall, the assessor of Topaz» (O. Henry. ibid, p. 43).

5. Глаголы со значением *создавать, производить* (с указанием или без указания на объект): bake, build, compose, manufacture, produce etc.: He's a builder from Phoenix (Robbins H. Where Love Has Gone. New English Library, 1972, p. 25).

6. Глаголы говорения, сообщения, получения или обмена информации: announce, inform, correspond, report etc.: «Who was the reporter?» (Spark M. The Public Image. Stories. M., 1976, p. 113).

7. Глаголы, включающие сему «воздействие на объект, установление или изменение его положения в пространстве» (с указанием или без указания на объект): aviate, drive, move, turn etc.:

Chilla Ryan will drive it. He's a professional driver (Cusack D. Say No to Death. M., 1961, p. 345).

8. Глаголы со значением *обучать, инструктировать, давать указания, наставлять*: instruct, lecture, teach, train etc.: He was proud that he was a teacher (Wilson M. Live With Lightning. M., 1963, p. 215).

9. Глаголы со значением *проверять, контролировать*: control, inspect, oversee etc.: Inspector Gerald Myrer, San Francisco Police, Homicide Squad (Robbins H., *ibid*, p. 186).

10. Глаголы со значением психически эмоционального воздействия: assure, bounce, counsel etc.: I don't know what one would call my job: errand boy? minor clerk? money counter? letter sealer? bouncer? (Kent R. It's Me O Lord. M., 1977, p. 31).

11. Глаголы, включающие сему «передвижение субъекта в пространстве»: circuit, dive, fly, run etc.: His first job had been a runner on Wall Street (Susann J. Once Is Not Enough. N.-Y., Toronto, Lnd., Bentam Books, 1971, p. 355).

12. Глаголы, включающие сему «*собирать, сохранять*»: bank, collect, keep etc.: Is he a banker? (Galsworthy I. The Silver Spoon. M., 1975, p. 30).

13. Глаголы со значением *обеспечивать*: finance, forage, insure etc.: It was none other than Frank Algernon Cowperwood, the financier (Dreiser T. The Stoic. M., 1962, p. 322).

14. Глаголы со значением *производить обмен, торговать*: cash, sell, trade etc.: «She has a position as a cashier waiting for her» (Maugham W. S., *ibid*, p. 38).

15. Глаголы со значением *прислуживать, находиться в услужении*: attend, serve, wait etc.: He is a servant in somebody's house (Maugham W. S., *ibid*, p. 276).

16. Глаголы, включающие сему «получение, поиск и приобретение»: buy, get, hunt, mine etc.: So the friend, a buyer for one of the Chicago wholesale houses, felt, perforce, the necessity of stopping (Dreiser T. Sister Carrie. M., 1968, p. 335).

17. Глаголы со значением *регистрировать, фиксировать*: book, register, stenograph etc.: The young lady had been Maxwell's stenographer for a year (O. Henry, *ibid*, p. 35).

18. Глаголы со значением *планировать, проектировать, производить расчеты*: design, plan, project etc.: Charles Ewing and George Chappell were essentially designers (Kent R., *ibid*, p. 43).

19. Глаголы социальной активности, включающие сему «посредничество»: broke, deal, interpret etc.: They are agents and brokers (Dreiser T. The Stoic. M., 1962, p. 113).

20. Глаголы социальной активности, связанные так или иначе с культурными традициями и ритуалами: bugle, dance, sing etc.: I am a dancer, and the company I am with is playing here this week (Dreiser T. *ibid*, p. 223).

21. Глаголы, включающие сему «распространять, передавать» (в том числе «передать на расстоянии»): convey, dis-

pense, publish etc.: My firm are publishers (Galsworthy I. The White Monkey. M., 1976, p. 172).

22. Глаголы со значением работать, трудиться: labour, work, toil etc.: The people all about him were mostly toilers and money-makers that surged and flew like an enveloping tide (Christie A. The Listerdale Mystery. Fontana Books, 1967, p. 152).

23. Глаголы широкой неспециализированной семантики: act, copy, signal, operate, undertake etc.: He was resentful, that he, like an undertaker, never had his work appreciated (Short Story Masterpieces. M., 1971, p. 270).

Существительные со значением профессиональной принадлежности субъекта образуются с помощью следующих словообразующих суффиксов (в порядке убывающей частотности): -er — baker, broker etc.; -or — actor, aviator etc.; -ist — cartoonist, colourist etc.; -ess — actress, governess etc.; -ier — cashier, financier etc. Употребление других суффиксов (-ive — detective, operative etc.; -ar — pedlar, registrar etc.; -ent — correspondent etc.; -ster — teamster etc.; -ie — bookie etc.; -ary — missionary) можно считать окказиональным.

Лексическое значение существительных, объединенных категориальным понятием профессиональной принадлежности, представляет собой специализацию основного словообразующего значения исходного глагола. Если существительные с категориальным значением *деятель* могут быть описаны форму-

лой *one who vs **, то для существительных со значением *профессиональная принадлежность* эта формула нуждается в уточнении: correspond — переписывается, состоять в переписке, correspondent — корреспондент, сотрудник газеты или журнала, поставляющий информацию. Write — писать, writer — писатель, лицо, занимающееся литературным трудом. Detect — открывать, находить, обнаруживать, detective — сыщик, детектив — лицо, занимающееся расследованием преступлений.

Как отмечалось, семантическая емкость модели $N_1-V_{\text{cop}}-N_v$ в значительной степени определяется модификациями ее именного компонента. За счет таких модификаций предложение может:

1. Приобретать сему качественной оценки, не меняя своего основного категориального характера. Ср.: а) I am an actor (Saroyan W. Selected Short Stories. M., 1975, p. 72) — детерминирующее предложение, со значением профессиональной принадлежности субъекта; б) Allan was one of the best actors in the Masquers (Short Story Masterpieces. M., 1971, p. 271) — детерминирующее предложение со значением профессиональной при-

* См.: Карпухина Н. К. Отглагольные имена в современном английском языке. — Науч. доклады высшей школы. Филол. науки, вып. 2, 1977, с. 94—107.

надлежности субъекта включает качественную оценку его профессионального мастерства.

2. Приобретать иной категориальный характер. Ср.: а) Who would have thought that he, the overseer at my plantation, to whom I lent 200 francs, has genius? (Maugham W. S. *The Moon and Sixpence*. M., 1969, p. 182) — детерминирующее предложение N_v со значением профессиональной принадлежности субъекта; б) She had been raised a French Catholic. Her parents had been stern overseers (Wallace J. *The Prize. A Four Square Book*, 1967, p. 461) — акциональность + детерминизация, N_v называет исполнителя действия и включает качественную характеристику способа его выполнения.

Н. В. ТУЧИНА

К ВОПРОСУ О МЕТОДАХ ФОРМИРОВАНИЯ ДИАЛОГИЧЕСКИХ УМЕНИЙ

Специфику обучения диалогической речи определяют такие особенности последней, как ситуативность, эмоциональность, экономичность, направленность внимания на одновременное аудирование высказывания собеседника и программирование ответной реплики, лимит времени для слушающего, тесная взаимообусловленность реплик и др.

При разработке методик обучения диалогической речи на иностранном языке необходимо учитывать затруднения, возникающие в результате межъязыковой и внутриязыковой интерференции. Интерферирующим влиянием родного языка объясняются такие ошибки в ведении иноязычного диалога, как использование несвойственных иностранному языку видов взаимосвязи реплик, способов реагирования на различные типы высказываний, выбор паралингвистических и лингвистических средств, характерных для диалога на родном языке. Внутриязыковая интерференция может привести к неверному языковому оформлению реплик диалога, например, построению высказываний по образцу письменного монолога.

Существующие методы обучения диалогической речи на иностранном языке в разной степени отражают ее особенности и специфику диалогических умений. Наиболее распространенным является метод использования диалогов-образцов [3, 5, 6]. Он предусматривает три основных этапа обучения: 1) аудирование диалога-образца с применением зрительной опоры или без нее; 2) воспроизведение диалога-образца (имитация, заучивание наизусть с последующей драматизацией, воспроизведение с видоизменениями); 3) творческое составление диалогов в определенной ситуации, на заданную тему, по картинке, диафильму и т. д.

На практике обучение диалогической речи часто завершается на втором этапе, т. е. после введения образца и определенной тренировки в его воспроизведении. Отсутствие опыта работы над диалогами в изменяющихся ситуациях не позволяет учащимся творчески комбинировать затренированные образцы и использовать их элементы в диалогическом общении. Рассмотрим, например, упражнения по развитию диалогической речи, которые помещены в учебниках английского языка для гуманитарных факультетов неязыковых вузов [1, 3]. Методический анализ показывает, что большинство их направлено на запоминание диалогов-образцов на основе зрительного подкрепления. За тематическим образцом следуют тренировочные упражнения на замену отдельных компонентов диалога, трансформацию, завершение и перевод некоторых реплик. После тренировочных упражнений обучаемым предлагается составить свои диалоги по схеме-образцу, заданным репликам, ситуации и т. д. Однако в таких упражнениях овладение языковым материалом происходит в форме, далекой от диалогической речи. У обучаемых не развиваются специфические умения ведения диалога, не накапливается необходимый опыт в совмещении аудирования и говорения. Без соответствующей тренировки они затрудняются распределять внимание и на восприятие реплики партнера, и на обдумывание ответа, а лимитированность во времени создает дополнительные трудности. Не зная основных способов взаимосвязи реплик, обучаемые не могут осуществлять речевое взаимодействие в условиях ситуативного диалога, приближающегося к реальному общению. Поэтому их диалогам часто присущи неправильное языковое оформление, нарушения логики высказывания, замедленный темп речи, неестественность и т. д.

Схема работы над диалогами-образцами может наполняться различным содержанием в зависимости от того, по какому признаку они выделяются. Если образцы выделяются по формально-структурным признакам, то диалоги конструируются на основе определенного лексико-грамматического материала, заданного программой [6]. Диалог нередко «подгоняется» под языковой материал, не отражает таких особенностей диалогической речи, как ситуативность, экономичность и не пробуждает интерес у обучаемых.

Диалоги-образцы могут выделяться по функциональному признаку [2], т. е. на основе анализа функций различных диалогических единств и типов взаимосвязи реплик. Обучение при этом ведется с помощью тренировочных и речевых упражнений. На основе тренировочных упражнений вырабатываются ассоциации между усваиваемыми видами диалогических единств и коммуникативными ситуациями, в которых они функционируют. Обучаемые тренируются в использовании различных способов взаимосвязи реплик диалога в зависимости от функциональных

задач общения (запрос или выдача информации, переспрос, установление контакта). В речевых упражнениях на функциональной основе смысл высказывания не подсказывается, а дается лишь направление мыслительной деятельности. Средства выражения мысли выбираются обучаемыми самостоятельно.

Как отмечалось, одной из наиболее существенных особенностей диалогической речи является ситуативность, которая лежит в основе метода ситуативного моделирования [4]. Он представляет собой перенесение в учебную аудиторию ситуаций общения, в которых используются высказывания, содержащие усвоенный материал. Четкие ограничения, имеющиеся в ситуациях, придают им характер мыслительных задач, позволяя обучаемым реализовать мыслительно-познавательную функцию иностранного языка.

Основываясь на данных психолингвистики о фазах порождения высказывания, можно заключить, что моделирование ситуаций включает: определение цели диалога; указание на средства ее достижения; отдельные опорные вехи — цепочку стимулов; сопоставление результата с заданной целью. Лексический и грамматический материал в упражнениях эксплицитно не задается, но цели и непосредственные стимулы к разговору планируются заранее и вводятся извне, направляя учебный диалог в желаемое русло.

Рассмотрим некоторые методики развития отдельных диалогических умений. Важным специфическим диалогическим умением является синхронное реагирование, т. е. умение программировать ответ в ходе восприятия реплики собеседника. Методика развития этого умения построена на обучении устойчивым диалогическим единствам, а на их основе — свободным сочетаниям реплик диалога [8]. Устойчивые диалогические единства предлагают образцы готовых решений, сужают рамки выбора реакций, тем самым ускоряя его. Обучение умению синхронного реагирования включает следующие этапы: 1) выбор ситуативно соотнесенных реплик и уяснение способов их взаимосвязи; 2) автоматизация языкового оформления реплик и способов их взаимосвязи в заданных однотипных ситуациях общения; 3) комбинирование реплик в межтемных диалогах с меняющимися обстоятельствами. Однотипные ситуации вызывают сходные мотивы и приводят к многократному употреблению одних и тех же языковых средств. Упражнения третьего этапа рассчитаны на практическое использование стереотипов, сформированных на предыдущих этапах.

Особое внимание при обучении диалогической речи следует уделять развитию прогностических умений. Именно данные прогнозирования позволяют осуществлять преднастройку к ответу в процессе аудирования высказывания собеседника. Степень сформированности этих умений влияет на скорость выбора ответного действия и его характер. Обучение действию прогно-

зирования проводится путем овладения его отдельными операциями [7]: а) по удержанию в памяти контекста высказывания; б) по выделению смысловых вех в воспринимаемом контексте; в) по соотносению выделенных вех с ситуацией общения в целом; г) по обобщению на основе прослушанного; д) по выдвижению и проверке смысловых гипотез окончания высказывания собеседника в процессе восприятия его речи. Автоматизация отдельных операций прогнозирования с помощью специальных упражнений приводит к овладению действием прогнозирования на уровне сознательного контроля. В диалогическом общении основные усилия собеседников направлены не на сам процесс прогнозирования, не на то, чтобы предугадать, как завершит свое высказывание говорящий, а на то, чтобы на базе прогнозирования дать соответствующий ответ. Завершающим этапом развития прогностических умений является использование результатов прогнозирования в ходе речевого взаимодействия в диалоге.

Психолингвистический и методический анализы учебных пособий и практический опыт обучения свидетельствуют о том, что упражнения на отработку языкового материала в диалогах целесообразно дополнять упражнениями, которые учитывают характерные особенности диалогической речи и развивают специфические диалогические умения.

Список литературы: 1. Бонди Е. А. Учебник английского языка. М., ИМО, 1967. 312 с. 2. Вильчек Э. Э. Упражнения для развития диалогической речи на начальном этапе обучения французскому языку. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. пед. наук. М., 1966. 31 с. 3. Ворончук А. П., Шабаті-на К. М. Підручник англійської мови. Київ, Вища школа, 1975. 350 с. 4. Очкасова В. Н. Методика обучения французской диалогической речи на II курсе языкового вуза с помощью ситуативно направленных упражнений. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. пед. наук. Киев, 1975. 28 с. 5. Рогова Г. В. Методика обучения английскому языку. Л., Просвещение, 1975. 312 с. 6. Старков А. П., Диксон Р. Р., Старкова З. В. Комплекс учебников английского языка для V—X классов средней школы. М., Просвещение, 1969—1975. 7. Хадарцева Л. М. Обучение диалогической речи на французском языке в языковом вузе. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. пед. наук. М., 1975. 23 с. 8. Хотинская А. Д. Обучение диалогическому общению на II курсе факультета иностранных языков. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. пед. наук. М., 1973. 21 с.

Л. Н. ЧЕРНОВАТЫЙ

НЕКОТОРЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ОРИЕНТИРОВКИ УЧАЩИХСЯ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНЫХ ГРАММАТИЧЕСКИХ НАВЫКОВ

Ориентировка учащихся при формировании иноязычных грамматических навыков может обеспечиваться путем использования учебной информации (УИ), т. е. совокупности средств, способных тем или иным образом давать сведения относительно

условий и способов выполнения грамматических действий. В зависимости от характера функционирования целесообразно различать следующие типы УИ: речевой образец, модель грамматического явления (структурно-функциональная модель), правило (алгоритм) выполнения грамматического действия.

В методической литературе рекомендуемый объем УИ колеблется от речевого образца [7], образца и модели [5], до образца, модели и алгоритма [1]. Использование образца в качестве единственного типа УИ позволяет высвободить максимальное количество времени для речевой тренировки, однако может затруднить ориентировку учащихся, особенно при усилении интерференции. Применение же дополнительных типов УИ способно обеспечить полную ориентировку. С другой стороны, использование всего объема УИ несколько удлиняет этап построения и усвоения ориентировочной основы действия (Од), соответственно сокращая время речевой тренировки, что в условиях ограниченного количества времени, отводимого для усвоения грамматических явлений в школе, весьма существенно.

Очевидно, идеальным было бы использование минимального объема УИ, способного обеспечить адекватную ориентировку при работе с каждым отдельно взятым грамматическим явлением. В полную Од входят: образец действия, модель объекта и модель действия [3]. Другими словами, для обеспечения полной ориентировки при формировании грамматических навыков необходимо дать учащимся полный объем УИ. Однако данное положение сохраняет силу только для предельных случаев, когда перенос предварительных знаний и умений на новые задания отсутствует или весьма незначителен [3]. В реальном учебном процессе имеет место сложное взаимодействие ранее приобретенных умений и навыков с формируемыми. В этих условиях происходит перенос, широта которого зависит от интерференции. Чем слабее интерференция, тем шире перенос, и наоборот. При ослаблении интерференции адекватная ориентировка, вероятно, способна осуществляться и на основе неполного объема УИ, т. е. отдельные типы УИ могут оказаться избыточными. Избыточность, в свою очередь, может проявляться по линии «алгоритм — модель», так как именно в этом направлении происходит уменьшение эксплицитности. Другими словами, образец имплицитно содержит как модель, так и алгоритм, а в модели имплицитно содержится алгоритм. Поэтому в простых случаях ориентировка может осуществляться и на основе имплицитных типов УИ.

Главным фактором, влияющим на расширение или сужение возможности переноса, а следовательно, и на объем УИ, является интерференция, прежде всего межъязыковая. Это объясняется большим опытом учащихся в родном языке по сравне-

нию с иностранным, их ориентировкой на модели родного языка при построении иноязычных высказываний.

Межъязыковая интерференция проявляется в двух аспектах: функции и формы. В каждом из них она может быть нулевой, частичной или полной, в результате чего соответствующий аспект переносится из родного языка, корректируется либо формируется заново. Исходя из того, что основной в усвоении языка является трудность функциональная и опираясь на работы ряда авторов [5, 6, 9], мы выделили следующие типы грамматических явлений (с точки зрения межъязыковой интерференции):

Тип	Функция	Форма
I	Переносится	Переносится
II	"	Корректируется
III	"	Формируется заново
IV	Корректируется	Переносится
V	"	Корректируется
VI	"	Формируется заново
VII	Формируется заново	Переносится
VIII	"	Корректируется
IX	"	Формируется заново

В данной типологии интерференция усиливается при движении от I типа к IX. Логично предположить, что значимость (т. е. степень целесообразности использования) каждого типа УИ в последовательности «образец — модель — алгоритм» будет возрастать слева направо в этом же направлении. Иначе говоря, способность речевого образца самостоятельно обеспечить адекватную ориентировку учащихся будет самой высокой при работе с явлениями I типа, а использование полного объема УИ максимально необходимо при работе с явлениями IX типа.

Для проверки этой гипотезы и определения закономерностей ориентировки учащихся в условиях различной интерференции мы провели экспериментальное исследование. Его целью, кроме того, было определение значимости каждого типа УИ для усвоения различных по трудности грамматических явлений. Исследование проводилось на материале Future Indefinite (шестой класс), Past Passive и Present Perfect (седьмой класс). Данные грамматические формы представляют собой явления различных типов с точки зрения межъязыковой интерференции (соответственно II, V и VI типы). Таким образом, их выбор удовлетворяет целям исследования: усвоение этих форм протекает в условиях различной интерференции.

На первом этапе работы мы построили структурно-функциональные модели каждого грамматического явления, использовавшегося в качестве материала исследования. Были созданы также алгоритмы употребления и распознавания этих явлений в речи. Построение моделей и алгоритмов происходило на

основе общих принципов, изложенных в ряде работ (Г. В. Ейгер, М. М. Гохлернер, Е. И. Волкова), в результате логического, лингвистического, психологического и психолингвистического анализа грамматических явлений и грамматических действий, подлежащих усвоению. Поэтому модели и алгоритмы, использовавшиеся в разных сериях эксперимента (т. е. обучения различным грамматическим явлениям) можно рассматривать как однотипные компоненты Од. На основе этого представляется возможным сделать вывод об эффективности модели и алгоритма как типов УИ. В качестве речевых образцов использовались структуры, отобранные в действующем учебнике для обучения соответствующим грамматическим явлениям [7].

На втором этапе работы было проведено экспериментальное обучение указанным явлениям по трем вариантам. В 1-м использовался только речевой образец, во 2-м — образец и модель, в 3-м — образец, модель и алгоритм. Исследование проходило в шести школах Харькова и Полтавы, а также Харьковской и Полтавской областей (385 испытуемых) в соответствии с имеющимися в методической литературе рекомендациями (В. А. Артемов, М. В. Ляховицкий, Э. А. Штульман и др.). В данной статье мы не описываем методики проведения эксперимента (она приведена в других наших работах) *, а рассматриваем результаты экспериментального обучения по итогам послеэкспериментального среза (см. табл.).

Вариант	Первая серия			Вторая серия			Третья серия		
	Future Indefinite			Past Passive			Present Perfect		
	$\bar{x}$	σ	K	$\bar{x}$	σ	K	$\bar{x}$	σ	K
1	2,1	1,6	0,83	3,0	2,6	0,70	2,0	1,6	0,71
2	0,6	0,97	0,95	0,64	0,96	0,93	1,1	1,3	0,84
3	0,98	0,96	0,92	0,47	0,62	0,95	0,5	0,84	0,93

Условные обозначения: $\bar{x}$ — средняя ошибка, σ — дисперсия, K — коэффициент усвоения. Значения $\bar{x}$ и σ были получены по формулам математической статистики [8]. Значение K получено по формуле, предложенной В. П. Беспалько [2]. $K \geq 0,9$ соответствует оценке «5», $K = 0,8-0,9$ — оценке «4», $K = 0,7-0,8$ — оценке «3». Значение K ниже 0,7 свидетельствует о неудовлетворительном уровне усвоения.

Результаты показывают, что уровень усвоения при обучении по 2-му и 3-му вариантам во всех случаях выше, чем при обучении по 1-му варианту. Однако в трех сериях эксперимента разница между соответствующими значениями K различна. Что

* См. статьи в вестниках ХГУ (сер. иностр. яз., вып. 11 и 12).

касается разницы между значениями К 2-го и 3-го вариантов, то в первой серии — незначительное преимущество во 2-м варианте, во второй серии — в 3-м, а в третьей серии преимущество в 3-м варианте еще больше. Ответ на вопрос, является ли преимущество одного варианта по отношению к другому в каждом случае существенным или может рассматриваться как случайное, способствовал бы уяснению значимости каждого типа УИ. Так, сравнение результатов обучения по 1-му и 2-му вариантам является показателем значимости модели, а по 3-му и 2-му — показателем значимости алгоритма. Анализ результатов обучения по 1-му варианту поможет сделать вывод о значимости речевого образца как типа УИ.

Определение вероятности достоверности отличия результатов каждого варианта по отношению к остальным двум проводилось с помощью вычисления коэффициента Стьюдента [4] и принесло следующие результаты.

Разница между значениями К 2-го и 1-го вариантов значительна во всех сериях эксперимента. Это позволяет сделать вывод, что применение модели эффективнее использования речевого образца в качестве единственного типа УИ.

Отличие между 2-м и 3-м вариантами в первых двух сериях эксперимента несущественно и, следовательно, может быть случайным. Однако оно становится существенным в третьей серии эксперимента, т. е. при работе с грамматическими явлениями VI типа. Таким образом, можно сделать вывод о том, что значимость алгоритма повышается по мере усиления интерференции. Применение алгоритма заметно повышает эффективность обучения по сравнению с использованием сочетания «образец — модель» при работе с грамматическими явлениями VI типа.

Результаты обучения по 1-му варианту показывают, что в условиях ограниченной интерференции (при работе с явлениями II типа) применение речевого образца позволяет достичь неплохого общего уровня усвоения (см. табл.). Вместе с тем, снижение общего количества ошибок может объясняться частичным совпадением структур языка, т. е. учащийся может правильно строить иноязычные предложения, ориентируясь на модели родного языка. Вероятность такого совпадения возрастает по мере ослабления интерференции. Она достаточно велика, например, при употреблении Future Indefinite.

С целью определения характера ориентировки учащихся при проведении письменного среза им были предъявлены для перевода русские предложения, содержащие как совпадающие («Я буду делать...» — «I shall do»), так и отличающиеся («Я сделаю...» — «I shall do») по способу образования структуры. Анализ ошибок показал, что в группах 1-го варианта 47% учащихся ориентировались на модели родного языка даже в случаях несовпадения способа образования структур. В то же

время в группах 2-го и 3-го вариантов таких учащихся оказалось значительно меньше (11%). Таким образом, применение дополнительных типов УИ (модель и алгоритм), способствуя четкому уяснению структуры грамматического действия, является эффективным средством преодоления межъязыковой интерференции.

Усиление интерференции резко снижает эффективность обучения по 1-му варианту (см. табл.), что при работе с явлениями V—VI типов с трудом позволяет достичь лишь общего удовлетворительного уровня усвоения. Поэтому можно констатировать, что эффективность использования речевого образца в качестве единственного типа УИ зависит от интерференции. Однако эта зависимость не прямолинейна. Так, уровень усвоения при обучении в третьей серии даже несколько выше результатов обучения во второй, хотя Present Perfect относится к VI типу грамматических явлений, а Past Passive — к V. Однако это отличие несущественно. К тому же указанные грамматические формы представляют собой близкие типы с точки зрения межъязыковой интерференции, и поэтому разница между результатами их усвоения не может быть такой большой, как при сравнении результатов усвоения II и V типов. Кроме того, усвоение явлений V и VI типов проходит в условиях сильной интерференции, когда вероятность опоры на модели родного языка незначительна и мало колеблется от одного типа к другому. Столь же небольшими могут быть колебания в уровне усвоения данных явлений на основе речевого образца в качестве единственного типа УИ.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что эффективность применения речевого образца в качестве единственного типа УИ снижается при усилении интерференции. Однако эта тенденция ослабляется по мере уменьшения возможности опоры на модели родного языка. Эффективность усвоения в условиях такого обучения стабилизируется при относительно низких показателях на уровне грамматических явлений V типа.

Список литературы: 1. *Бабкина В. С.* Методика обучения структурному оформлению предложения в V классе. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. пед. наук, М., 1971. 21 с. 2. *Беспалько В. П.* Опыт разработки и использования критериев качества усвоения знаний. — Советская педагогика, 1968, № 4, с. 52—69. 3. *Гальперин П. Я.* Основные результаты исследования по проблеме формирования умственных действий и понятий. Автореф. дис. на соиск. учен. степени д-ра пед. наук, М., 1965. 39 с. 4. *Корн Г., Корн Т.* Справочник по математике для научных работников и инженеров. М., Наука, 1970. 720 с. 5. *Малишевская Л. П.* Управление процессом формирования речевых грамматических навыков. К вопросу об использовании правил. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. пед. наук. Воронеж, 1975. 22 с. 6. *Разумеева Н. А.* К вопросу о типологии языкового материала. Учен. зап. 1 МГПИИЯ им. М. Тореза, 1970, т. 53, с. 268—282. 7. *Старков А. П.* Книжки для учителя к учебникам английского языка для V—X классов средней школы. М., Просвещение, 1969—1975. 8. *Штульман Э. А.* Основы эксперимента в методике обучения иностранным языкам. Изд-во Воронеж.

ун-та, 1971. 142 с. 9. *Шубин Э. П.* Позитивные и негативные аспекты влияния первого языка на овладение вторым на разных уровнях языковой системы. — Иностр. яз. в школе, 1971, № 5, с. 27—32.

В. А. БАЛУЕВА, Р. Ф. ГУРАЛЬ

КОМПЛЕКСНОЕ ПРИМЕНЕНИЕ ТСО В ОБУЧЕНИИ УСТНОЙ ИНОЯЗЫЧНОЙ РЕЧИ

Обучение иностранным языкам в неязыковом вузе имеет практическую направленность, «которая предполагает овладение языком как средством общения, как средством обмена информацией, необходимой для успешной практической деятельности будущего специалиста в избранной им области науки» [7, с. 45]. Одной из программных целей обучения является овладение навыками устной речи [8]. Однако эта задача представляется довольно сложной в условиях дефицита учебного времени. Выход из положения мы видим в создании пособий, основанных на принципе зрительно-звуковой наглядности в сочетании с элементами программирования учебной деятельности студентов.

По определению А. А. Леонтьева, «овладение иноязычной речью — это, прежде всего, формирование отдельных операций (вначале выступающих как самостоятельные действия), затем объединение их в целостное высказывание (речевое действие) и, наконец, модификация речевых действий в зависимости от ситуации и задачи общения» [2, с. 83]. Поэтапное формирование речевых навыков и умений является теоретической основой нашего учебного пособия. Осуществляемое в нем программирование речевой реакции «с помощью соответствующей системы действий и операций с изучаемым материалом» [6, с. 18] дает возможность управлять речемыслительной деятельностью студента.

Предлагаемый аудио-визуальный комплекс (АВК) включает серию озвученных диафильмов, кадры которых служат организующим элементом и зрительным источником информации, а фонограмма выполняет непосредственно обучающую, управляющую и контролирующую функции. АВК объединяется единой темой и сюжетом. Он состоит из трех частей: ознакомительной, тренировочной и репродуктивной. В основу АВК положен ограниченный языковой материал в пределах требований программы по одной из устных тем («День студента», «Мой город» и др.). Задания АВК отражают принцип дифференцированного подхода к обучению устной речи, в соответствии с которым последняя расчленяется на аудирование и говорение. Видеофонограмма обеспечивает синхронную подачу материала, воздействуя на психические процессы, которые обуславливают речевую деятельность студента. Использование ключей позволяет

студенту определить правильность своей реакции на учебную информацию. Этот вид контроля носит характер обучающего действия, где осуществляется проверка владения предшествующим речевым навыком через возможность выполнения последующего более сложного задания.

По своей практической направленности первый фильм АВК (ознакомительный этап), обеспечивая звуковое и зрительное предъявление учебного материала, дает возможность подготовить студентов к выполнению тренировочных упражнений второго этапа. Он представляет собой сюжетный фильм, сопровождаемый фонограммой, в которой содержится описание кадров в динамическом развитии. Работа с данным фильмом способствует развитию навыков аудирования, при этом видеоряд помогает более полному пониманию иноязычного описания кадров. Контроль понимания студентами полученной учебной информации осуществляется преподавателем путем постановки вопросов. В случае необходимости преподаватель имеет возможность возвратиться к тому или иному кадру и соответствующей фонограмме.

Тренировочный диафильм (второй этап) построен на том же языковом и сюжетном материале, что и ознакомительный. Однако на данном этапе студент уже должен освоить определенные речевые действия, предусматривающие говорение. Весь речевой поток фонограммы ознакомительного фильма расчленяется теперь на отдельные речевые единицы, которыми студент овладевает в процессе тренировки. С этой целью за исходным кадром ознакомительного фильма дается ряд кадров, обеспечивающих тренировку в применении речевых единиц, сгруппированных по смысловому признаку. Например, по теме «День студента» в ознакомительном фильме представлен кадр с изображением листка календаря, датированного шестым апреля, четвергом, а в фонограмме звучит: *It is the sixth of April, Thursday, a typical day in my life.*

В тренировочном фильме на четырех кадрах графически представлены английские названия дней недели, даты, циферблаты часов, которые используются в процессе тщательной тренировки в употреблении изучаемых речевых единиц. Так, на одном кадре приводятся английские названия дней недели и их русские эквиваленты. Одновременно звучит фонограмма, содержащая инструкцию: *In slide 1 you can see a list of days of the week. Listen to the tape and repeat their names in pauses.*

Затем следует двухкратное произнесение английского названия дня недели и пауза для проговаривания его студентами. Фонограмма к этому кадру заканчивается указанием, подготавливающим студента к восприятию очередного кадра: *Look at the slide 2 and answer the question: What day of the week is...* На новом кадре изображен календарь апреля с рус-

скими названиями дней недели. В фонограмме звучит продолжение вопроса: ...the seventh of April?

Из кадра видно, что седьмое апреля — пятница, поэтому в паузе, следующей за вопросом, студент произносит: The seventh of April is Friday. Таким образом затренировываются названия всех дней недели. Затем дается фоноинструкция, обеспечивающая перенос учебного действия в реальную ситуацию: What day the week is it today? Студент имеет возможность в паузе применить усвоенную модель в своем высказывании, а затем сравнить его со звучащим ключом: It is... Фонограмма заканчивается инструкцией к следующему кадру.

Итак, каждый кадр сопровождается инструкцией по выполнению учебного действия, паузой для тренировки и ключом для самоконтроля и самокоррекции, а также предваряющим указанием к новому кадру. По такой же схеме строятся видеоряды всего фильма. Все речевые единицы многократно повторяются в различных зрительных и звуковых ситуациях, что способствует формированию автоматизированных навыков говорения. Фоноинструкция стимулирует речевую реакцию студента.

В фильме используются разнообразные упражнения: тренировка в речевых действиях с одновременной опорой на зрительную и звуковую модели; завершение фразы, начатой диктором; выражение согласия или несогласия с видеофонограммой; использование усвоенной речевой единицы в новой ситуации кадра; реакция на несоответствие между звуковым и зрительным рядами; перенос усвоенных речевых единиц в реальную ситуацию; выбор ситуаций, графически представленных в кадре и использование в них речевой единицы фонограммы; описание кадров с помощью определенных речевых единиц, поданных графически; закрепление усвоенной речевой единицы в новой ситуации следующего кадра, но уже без опоры на графическую и звуковую подсказку и др. Эти упражнения делают студента участником речевой ситуации кадра и диафильма, что способствует автоматизации его иноязычной речевой деятельности. Таким образом осуществляется управление процессом формирования автоматизированных навыков и умений, когда внимание студента сосредоточено не на форме высказывания, а на его содержании.

Работа с АВК завершается демонстрацией «немного» диафильма (третий этап) того же содержания. «Озвучивание» диафильма студентами на этом этапе представляет собой уже самостоятельную, в определенной мере, творческую речевую деятельность.

В отличие от вербального способа создания ситуаций, требующего значительных затрат времени и не всегда обеспечивающего четкое описание всех ее деталей, зрительные ТСО вовлекают

студента в быстро меняющиеся ситуации, стимулирующие как диалогическую, так и монологическую речь.

АВК может быть использован для самостоятельной работы студентов над учебным материалом. При этом применяется или весь озвученный диафильм или отбираются фотографические копии отдельных кадров и фонограммы к ним. Это дает возможность самостоятельно отработать недостаточно усвоенные речевые единицы.

Рассмотренные принципы построения аудио-визуального комплекса и методические приемы работы с ним могут послужить основой для создания пособий по развитию навыков устной иноязычной речи не только на бытовые, но и на общественно-политические, а также специальные темы, работа над которыми особенно важна для подготовки современного высококвалифицированного специалиста.

Список литературы: 1. *Пассов Е. И.* Требования к упражнениям для обучения говорению. — Иностр. яз. в школе, 1977, № 2, с. 24—30. 2. *Леонтьев А. А.* Речь и общение. — Иностр. яз. в школе, 1974, № 6, с. 80—85. 3. *Гамбург Н. И.* Пути осуществления речевого общения со зрителями учебных фильмов. — В кн.: Технические средства обучения, ЛГПИ, 1974, с. 100—105. 4. Основы теории речевой деятельности. М., Наука, 1974, с. 368. 5. *Рогова Г. В.* О методах и приемах обучения иностранным языкам. — Иностр. яз. в школе, 1975, № 2, с. 87—93. 6. *Аблан С. Б., Бенедиктов Б. А.* Условия применения технических средств для обучения иностранным языкам. — В кн.: Технические средства и программирование при обучении иноязычной речи в вузе. Изд-во Белорусск. ун-та, 1971, с. 6—19. 7. *Берман И. М.* Методика обучения английскому языку. М., Высшая школа, 1970. 227 с. 8. Программа по английскому языку для неязыковых специальностей высших учебных заведений. М., Высшая школа, 1976, с. 18.

В. А. УЖИК

ОСНОВЫ ОРГАНИЗАЦИИ ВНЕАУДИТОРНОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ ПО ИЗУЧЕНИЮ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА НА НЕЯЗЫКОВЫХ ФАКУЛЬТЕТАХ

Одним из направлений совершенствования учебного процесса в вузе является научная организация самостоятельной работы студентов. В этой связи тов. Л. И. Брежнев отметил важность привития им умения самостоятельно пополнять знания, ориентироваться в стремительном потоке научной и политической информации [1, с. 42]. Целью нашего исследования было определение основ организации внеаудиторной самостоятельной работы, так как она является первым этапом развития творческой активности студента.

Руководство внеаудиторной самостоятельной работой может быть прямым и косвенным [2, с. 3—18]. Мы определили следующие виды прямого руководства: специально разработанную

систему заданий, методические пособия для студентов, устные методические указания.

В качестве видов косвенного руководства мы избрали обучение студентов технике умственного труда и формирование навыков самостоятельной работы. Вопрос о составе этих навыков является довольно сложным. В педагогической и методической литературе на него нет четкого ответа, однако необходимость формирования навыков работать самостоятельно признается многими авторами [3, 4].

При определении системы указанных навыков мы исходили из теории формирования сложных комплексов действий [5] с учетом мнения психологов о том, что каждая деятельность представляет трехуровневую структуру и состоит из побудительно-мотивационной части, исполнительной части и контроля. Поскольку побудительно-мотивационная часть является первым этапом формирования сложного комплекса действий, нами предложен навык *определения цели каждого задания* для самостоятельного выполнения.

Навыком, который характеризует исполнительную часть деятельности и соответствует этапу выделения принципиальных действий, мы считаем навык *определения учебных действий*, необходимых для достижения цели каждого задания. В связи с этим навыком выделяем навык *выбора рациональной последовательности учебных действий*, который соответствует третьему этапу формирования сложного комплекса действий.

Третьему уровню в структуре деятельности соответствует навык *самоконтроля*.

Учитывая, что достижение учебной цели может осуществляться при разных временных затратах, одним из навыков самостоятельной работы обязательно должен быть навык *рационального использования времени*.

Необходимость формирования указанных навыков обусловила определение принципов организации преподавателем внеаудиторной самостоятельной работы студентов. Одним из важнейших является принцип активности. Если в средней школе объяснение нового материала проходит на уроке, а закрепление — в процессе домашней работы, то в вузе целесообразно предварительное самостоятельное усвоение материала, а затем углубление и превращение знаний и умений в автоматизированные навыки на аудиторных занятиях. Возрастные особенности студентов позволяют придерживаться именно такой последовательности.

Следующим является принцип индивидуализации. Необходимое условие его реализации — изучение индивидуальных особенностей студентов, их исходного уровня знаний, а также степени сформированности навыков самостоятельной работы. На этой основе осуществляется дифференцированный подход к организации учебной деятельности. Практически это может

выглядеть следующим образом. Каждая академическая группа делится на три подгруппы соответственно уровню исходных данных (низкий, средний и высокий уровни). Для студентов каждой подгруппы составляются задания в соответствии с программой, но отличающиеся объемом и содержанием.

В тесной связи с рассмотренными принципами находится принцип посильности и доступности заданий для самостоятельного выполнения. Нередко в аудитории выполняется работа, которую студенты могли бы выполнить самостоятельно. Поэтому реализация этого принципа предполагает строгий отбор заданий для внеаудиторной самостоятельной работы. Справедливо считается, что никакие рекомендации по организации самостоятельной работы не могут дать желаемых результатов, если у студентов не будет времени на ее выполнение [6, с. 17]. Поэтому необходимо соблюдать еще один принцип: научно-обоснованный расчет времени и дозировка домашних заданий.

Эффективность самостоятельной работы обеспечивается систематическим и своевременным контролем. Соблюдение этого принципа очень важно для характеристики состояния самостоятельной работы, ее стимулирования и получения обратной связи.

Немаловажное значение имеет принцип соблюдения единых требований к организации самостоятельной работы. Необходимым условием его реализации является согласованность действий всех преподавателей, работающих с данной группой студентов. Таковы основы организации внеаудиторной самостоятельной работы студентов. Сама же методика формирования навыков этой работы, основанная на приведенных положениях, будет освещена в последующих статьях.

Список литературы: 1. *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом. Речи и статьи. т. 5. М., Политиздат, 1976, с. 42. 2. *Петрова Е. Д.* Психолого-педагогические основы руководства самостоятельной работой студентов. — В кн.: Организация и руководство самостоятельной работой студентов в вузе. Куйбышев, 1974, с. 3—18. 3. *Кертман Л. Е., Павлова Н. В.* Методические вопросы руководства самостоятельной работой студентов. — В кн.: Вопросы педагогики высшей школы, вып. 1. Учен. зап. Пермского ун-та, 1973, т. 285, с. 22—49. 4. *Низамов Р. А.* О формах и методах приобщения студентов-первокурсников к учебе в вузе, — В кн.: Вопросы вузовской педагогики и психологии. Казань, 1973, с. 24—27. 5. *Перуанский С. С.* О некоторых принципах организации деятельности студентов на основе теории поэтапного формирования умственных действий. — В кн.: Вопросы активизации учебной деятельности студентов. Казань, 1973, с. 31—36. 6. *Глазов Г. А.* Учитывать бюджет времени. — В кн.: Вестник высшей школы, 1974, № 10, с. 17.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ИСХОДНОГО УРОВНЯ ЗНАНИЙ СТУДЕНТОВ КАК УСЛОВИЕ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Учет индивидуальных особенностей студентов является одной из актуальных проблем обучения. К ее решению по-разному подходят как советские (В. А. Артемов, З. М. Любимова, И. В. Рахманов, З. М. Цветкова и др.), так и зарубежные (В. Оконь, И. Гильфорд, Р. Ладо, Г. Пальмер, К. Халл и др.) ученые.

Полностью учесть все индивидуальные особенности студентов очень трудно и не всегда возможно. Самой существенной из них мы считаем уровень подготовки студентов. В этом аспекте наиболее поддающимся измерению является уровень знаний. Цель нашего исследования заключалась в определении исходного уровня знаний по иностранному языку у студентов первого курса неязыковых факультетов как определяющего условия при индивидуализации процесса обучения.

Согласно классификации И. Я. Лернера [1] знания формируются по трем уровням: 1) осознание воспринятой информации и ее запоминание; 2) усвоение способов применения знаний по образцу; 3) умение творчески применять усвоенную информацию в новой ситуации. На основе этой классификации мы избрали для определения уровня знаний такие качества: понимание материала, репродуктивное применение знаний, творческое применение знаний. Кроме того, необходимо проверить также глубину знаний.

Измерение этих качеств, а следовательно и определение уровня знаний возможно лишь при использовании соответствующих форм контроля. При определении первых двух уровней знаний довольно эффективным является стандартизированный контроль, т. е. тестирование, которое имеет ряд преимуществ перед другими формами: тест ставит всех студентов в одинаковые условия, его результаты поддаются точному количественному учету, затраты времени минимальные [2].

Для определения третьего уровня знаний целесообразно использовать совокупность форм контроля, позволяющих всесторонне проверить знания студентов. Это — стандартизированный и традиционный (письменные работы, устный опрос, беседы) контроль.

Мы предприняли попытку разработать диагностический тест комплексного характера для проверки знаний по фонетике, грамматике и лексике. В тест включены задания и для аудирования. Знания по фонетике проверяются на первом и втором уровнях путем выбора студентами правильного варианта произношения подчеркнутой буквы, буквосочетания. Знания

по грамматике проверяются на трех уровнях путем выбора студентами названия времени глагола-сказуемого в предложении, предложения в страдательном залоге, формы глагола, правильного перевода предложения. Понимание текста при чтении про себя мы проверяем с помощью заданий по определению того, какое из приведенных предложений является основной темой текста, какой параграф подтверждает основную тему текста. Сюда входят также задания по переводу текста. Понимание на слух проверяется путем выбора названия прослушанного текста и ответа на поставленный вопрос. Качество устной речи проверяется устным опросом.

По результатам тестирования студенты распределяются по подгруппам с низким, средним и высоким уровнями знаний. Для каждой подгруппы разрабатываются специальные задания и методические рекомендации. Для внеаудиторной самостоятельной работы студенты с низким уровнем получают задания по восполнению пробелов в знаниях, студенты с высоким уровнем — задания, углубляющие их знания по программному материалу.

Таким образом, учет исходного уровня знаний может служить одним из условий обеспечения индивидуализации обучения иностранному языку.

Список литературы: 1. *Лернер И. Я.* Качества знаний учащихся. Какими они должны быть? М., Знание, 1978, с. 3—46. 2. *Мацуй И. Г.* О надежности безмашинного текущего контроля знаний студентов. — В кн.: Проблемы высшей школы, вып. 22, Киев, 1975, с. 44—51.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
<i>Дородных А. И.</i> О категории следования в английском языке	3
<i>Ещенко Ю. Ф.</i> К проблеме классификации номинативных единиц	6
<i>Красников Ю. Ф.</i> Презенс в значении будущего и его соответствия в русском языке	12
<i>Кухтенко В. А.</i> Стихотворение Т. Г. Шевченко «Світє ясний! Світє тихий!» в переводе Э. Гийевика	18
<i>Ланецкая К. И.</i> Повторы с модальностью отрицания	23
<i>Липко З. Н.</i> Дистрибуция предикативной пары «личное местоимение + глагол» на уровне подязыков современного английского языка	28
<i>Липко З. Н.</i> Соотнесенность личных местоимений с существительными-антецедентами в современном английском языке	31
<i>Маевская Л. Д.</i> Композиты в немецком языке рекламы	35
<i>Маслова Н. И.</i> К вопросу о способах перевода русских деепричастий на английский язык	38
<i>Нестеренко Е. И.</i> Об употреблении усеченной формы указательного местоимения <i>ça</i> в качестве элемента, маркирующего разговорную речь современного французского языка	44
<i>Одинокова В. И.</i> Лексико-семантическое варьирование слова в его связи с метонимическими переносами	50
<i>Паповяцц Э. Г.</i> Полипредикативные сложноподчиненные предложения в языке английской газетной публицистики XIX—XX вв.	58
<i>Попова Т. Г.</i> Актуализация эмоционально-экспрессивных значений способом вторичной номинации	62
<i>Белогуб А. Л.</i> К вопросу о роли экономического фактора в процессе миграции терминологии	69
<i>Рассказова О. А.</i> О типологии конструкций современного французского языка, выражающих пассивное значение	73
<i>Суворова Л. Я.</i> Структурно-вероятностный анализ лексических валентностей прилагательных группы <i>good</i> в современном английском языке	77
<i>Тарасова Е. В.</i> К проблеме языкового инварианта	80
<i>Тимошенкова Т. М.</i> Номинальные структуры модели $N_1-V_{cop}-N_v$ со значением качественной характеристики субъекта	84
<i>Тимошенкова Т. М.</i> Номинальные структуры модели $N_1-V_{cop}-N_v$ со значением профессиональной принадлежности субъекта	87
<i>Тучина Н. В.</i> К вопросу о методах формирования диалогических умений	90
<i>Черноватый Л. Н.</i> Некоторые закономерности ориентировки учащихся в процессе формирования иноязычных грамматических навыков	93
<i>Балуева В. А., Гураль Р. Ф.</i> Комплексное применение ТСО в обучении устной иноязычной речи	99
<i>Ужик В. А.</i> Основы организации внеаудиторной самостоятельной работы студентов по изучению иностранного языка на языковых факультетах	102
<i>Ужик В. А., Черняк Л. Н.</i> Определение исходного уровня знаний студентов как условие индивидуализации обучения иностранному языку	105

ВЕСТНИК ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 196

Иностранные языки

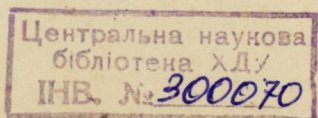
Выпуск 13

Редактор *В. К. Горбатько*
Художественный редактор *В. Е. Петренко*
Технический редактор *Л. Т. Момот*
Корректор *Н. В. Певко*

Сдано в набор 31.08.79. Подп. в печать 18.02.80.
БЦ 09125. Формат $60 \times 90^{1/16}$. Бумага для глуб. печ.
Лит. гарн. Выс. печать. 6,75 усл. печ. л. 7,6 уч.-изд. л.
Тираж 1000 экз. Изд. № 731. Зак. 1516. Цена 1 р. 10 к.

Издательство при Харьковском государственном уни-
верситете издательского объединения «Вища школа»,
310003, Харьков-3, ул. Университетская, 16.

Харьковская городская типография № 16 Областного
управления по делам издательств, полиграфии и книж-
ной торговли. 310003, Харьков-3, ул. Университетская, 16.

губ-1✓